

Илья Тамигин Последняя надежда Императора

Историко-приключенческий роман. Издание 2-е

Илья Тамигин

**Последняя надежда Императора.
Историко-приключенческий
роман. Издание 2-е**

«Издательские решения»

Тамигин И.

Последняя надежда Императора. Историко-приключенческий роман. Издание 2-е / И. Тамигин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901362-0

1814 год. Наполеон отправлен в ссылку на остров Эльба. Для возвращения и новой военной кампании ему нужны деньги, и он приказывает начальнику своей секретной службы добыть огромные ценности, спрятанные в неприметной обезлюдевшей деревеньке во время отступления из Москвы осенью 1812 года. Начинается противостояние с русской контрразведкой. Удастся ли французам осуществить хитрый план? Удастся ли русским вернуть награбленное?

ISBN 978-5-44-901362-0

© Тамигин И.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Посвящается моей жене Наташе	7
От Автора	7
Пролог: Октябрь 1812	8
Картина первая: В дебрях Калужской губернии	10
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	28
Глава пятая	34
Глава шестая	39
Глава седьмая	44
Глава восьмая	47
Глава девятая	53
Глава десятая	58
Глава одиннадцатая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Последняя надежда Императора Историко-приключенческий роман. Издание 2-е

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2019

ISBN 978-5-4490-1362-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Когда меня попросили написать предисловие к роману «Последняя Надежда Императора» начинающего автора Ильи Тамигина и я взял в руки текст, то быстро понял, что передо мной одна из тех немногих, на сегодняшний день, книг, которые читаются на раз, не отрываясь!

Во-первых, тема, связанная с Отечественной Войной 1812 года, сама по себе является очень интересной.

Во-вторых, сюжет раскрыт очень интригующе, с необычными и неожиданными поворотами судеб главных героев. То-есть, до конца повествования непонятно, кто же победит в хитроумной и рискованной борьбе за сокровища. Развязка тоже нестандартная и неожиданная, что является дополнительным плюсом Автору.

В-третьих, язык! Прекрасный русский язык (наконец-то!), отличный выбор лексики, отсутствие штампов и повторов, великолепная стилизация речи как главных, так и второстепенных героев не может не радовать самого взыскательного читателя. Тонкий (а местами – толстый) гусарский юмор, доводящий до безудержного смеха, аллюзии на классику и специально введенные анахронизмы, выписанные в «пастельных» тонах эротические сцены – всё это, безусловно, не может быть не оценено по достоинству читателем.

В-четвертых, высокая литературная техника. Художественные приемы, применяемые Тамигиным, на первый взгляд кажутся простыми, но это на самом деле не так. Да, описание героев он дает скупыми штрихами, но, тем не менее, очень выразительно, выпукло и исчерпывающе. Всего несколько слов – и описание героя готово, ясно представляется его лицо, речь и образ мыслей. Двумя-тремя фразами описывается пейзаж – и вот уже читатель на берегу реки у мельничной запруды, или на шумном базаре, или в семнадцатом арондисмане Парижа, причем стоит прикрыть глаза, и данное место предстает перед внутренним взором со всей отчетливостью! Как известно, создание Мира, в котором происходит действие романа, всегда является самым сложным для сочинителя делом, но Тамигин, не вдаваясь в мелкие детали, умудряется показать Мир начала девятнадцатого века так, что он разворачивается перед нами совершенно естественным и не вызывает недоуменных вопросов. Все сочинение пронизано любовью к России! Конечно, это Россия помещиков и крестьян, бравых гусар и мещан, но как она близка нам! Можно только похвалить Автора за добрые слова о нашей Родине, узнаваемой даже на расстоянии в двести лет! Конечно, Автор несколько романтизирует существовавшее тогда общество, да и героев тоже... Но это несколько не портит, а, наоборот, прибавляет повествованию очарования! А самое главное – всё в романе замотивировано, все герои поступают согласно логике происходящего и не противоречат ни исторической ситуации, ни сюжету. Когда героям (кстати, странное дело: в романе нет ни одного откровенно отрицательного персонажа!) приходится порой делать нелегкий нравственный выбор, они решают эту задачу в полном соответствии с морально-этическими понятиями эпохи.

И ещё: несмотря на то, что данное произведение не является, строго говоря, историческим романом, Автор довольно точно передает суть той эпохи и исторической ситуации, порядок военных действий, политическую ситуацию в Европе, что вызывает заслуженное уважение.

И, наконец, самое ценное: в романе «Последняя Надежда Императора» есть сверхидея. Служение своему Отечеству, патриотизм, верность офицерскому долгу проходит красной нитью через всё повествование, что, безусловно, сделает роман интересным самому широкому кругу читателей.

И. В. Смелов
военный историк,
кандидат юридических наук, ветеран МВД

Посвящается моей жене Наташе

*Значение правления Наполеона Бонапарта
невозможно переоценить, ибо благодаря
ему были закреплены выдающиеся достижения Великой
Французской Революции.*

*Н. С. Хрущев, доклад на пленуме ЦК КПСС, посвященном 150-летию
Отечественной Войны 1812 года*

*Вновь, вновь золото манит нас!
Песня из к/ф «Золото Маккены»*

От Автора

Все действующие лица, названия населенных пунктов, адреса и явки, секретные карты, шифры и чертежи изобретений, таинственное родимое пятно у главного героя, а также синий цвет – есть вымысел Автора.

Пролог: Октябрь 1812

Французская армия отступает... Великая Армия, не проигравшая ни одного сражения за столько лет! Отступает, чтобы не сдохнуть от голода в сожженной Москве, чтобы вернуться во Францию и накопить сил на новую кампанию.

Три дня назад, 24 октября, была Битва при Малоярославце, едва не закончившаяся грандиозным конфузом... Казаки атамана Платова неожиданно хлынули несчитанной ордой из-за перелеска и ворвались на высотку, где расположился штаб! Отбились, конечно, но с трудом, спасибо вовремя подоспевшим драгунам. Генералам и маршалам пришлось отмахиваться саблями и отстреливаться из пистолетов, но бородач в косматой бараньей папахе умудрился сцапать беднягу графа Дизье, стоявшего всего-то в двух шагах от императора, и, швырнув его поперек конского хребта, с гиканьем ускакать восвояси. Пленные потом рассказали, дескать, тот казак по простоте душевной всерьёз полагал, что самого Буонапарта в плен взял. Ещё бы: авантажный, высокий, дородный, мундир самый красивый – по всем статьям император!

А исход сражения – увы! Не поражение, но и не победа, ибо главная цель – прорваться сквозь заслон русских – не была достигнута. Французов выдавили на старую Смоленскую дорогу, во время летнего наступления разоренную войной. Ни жилья, ни пищи, ни фуража.

А ещё лютый мороз, от которого негде укрыться, и партизаны, свирепыми волками рвущие куски из измученной, голодной армии, и Кутузов, превосходящими силами наступающий на пятки, но слишком осторожный, чтобы дать решающий, может быть, последний, бой, исходом которого была бы окончательная победа или окончательное поражение Франции, а не унылая ничья!

Все это, взятое вместе, не давало спать, тяжелым комом забот ворочалось в сердце того, кто ещё совсем недавно победоносно прошел половину России и занял Москву, думая, что этим ставит жирную точку в этой войне. Оказалось – запятая... Как, как разрубить этот клубок, этот узел проблем?

Император стоял ссутулившись у маленького грязного окна, глядя на огромные снежинки, плавно кружащиеся в причудливом танце на фоне свинцового низкого неба. Неизменная треуголка и серый сюртук, даже сейчас, в морозы. Несгибаемый человек.

– Арман! – позвал он, не повышая голоса.

– Да, сир? – сделал шаг вперед человек в генеральской форме.

– Мы застряли, мой генерал. Проклятая зима! Проклятые русские, которые воюют не по правилам! Мы должны двигаться быстрее, чтобы сохранить солдат! Десятки, сотни обмороженных каждый день...

Наполеон помолчал, с отвращением топнул ногой. Генерал почтительно ждал продолжения. И император продолжил:

– Приказываю: бросить обоз! Оставить только провиант, боеприпасы и фураж. Все трофейное оружие выбросьте. А ценности – картины, золото, книги, серебро... Насколько я помню, там только серебра восемьдесят тонн... Найдите подходящее место и спрячьте! Поручите это верному человеку. Тому драгунскому лейтенанту с феноменальной памятью, Карсаку. Потом пусть уходят врассыпную, малыми группами, чтобы не отследили казаки. Мы ещё вернёмся!

– Будет исполнено, мой Император!

– Итак, лейтенант, сам Император Вам поручает наиважнейшее и наисекретнейшее дело...

– Да похлестните вы этих кляч!

– Бесплезно, господин лейтенант, кони устали, снег слишком глубокий... и их нечем кормить. Того и гляди, сдохнут!

– Тогда я впрягу в телеги вас!

– Вот, подходящее место! Луи! Фернан! Назад к дороге! Обеспечьте боевое охранение!

– Есть!

...

– Разгру-жай! Ящики тащите вниз!

– Merde! Как мерзнут руки!

– Золото тащите! Постройтесь цепью! Давайте, сыпьте! Кидайте сюда!

– Но, как же так, господин лейтенант!?

– Сказано, сыпь!

– Есть... Merde!

– Заряды установлены, господин лейтенант!

– Все назад! Поджи-гай!

БА-БАХ!!!

– Ого!

– Отлично! Теперь спихните туда пустые телеги!

– Уходим!

Картина первая: В дебрях Калужской губернии

Глава первая

Снег, всюду снег, чтоб его побрали эти самые... Коню по брюхо! И ведь только начало ноября! Дорога, где дорога? Фернан! Луи-и! Не слышат... Отстали, наверное. Ветрище завывает, как тысяча демонов, и сыплет, швыряет холодную крупу прямо в рожу, за воротник, за пазуху, как будто и без того уже не замерзаю! Здесь это называется «метель». Говорят, может несколько дней длиться. Эта уже второй день, и конца-краю пока не видно, только гуще снежинки, да злее ветруган и сугробы все выше. Не поймешь, где небо, а где земля! Только смутно видать деревья... И все! Нет, с дороги мы точно сбились... Где восток, где запад, куда идти – золотой дал бы, если б подсказали. И ветер-то странный: то в правую щеку дул, а теперь в спину, а ещё раньше – прямо в ноздрю, аж бедное животное Цезарь зафыркал и остановился. Merde, я ж его больше суток нормально не кормил! Как деревня называлась? Ва-шу-ти-но... Без глотка из фляжки и не выговоришь! М-да, русский язык... Хозяин не хотел овес давать, так Луи ему зуб выбил! А и это не помогло, пришлось коней сеном кормить. Сами голодные спать легли, в избе ни крошки жратвы не оказалось, только две луковицы. Луи с голодухи их сожрал, рыгал всю ночь, спать не давал, скотина...

Однако, замерзаю, господа! Ног уже не чувствую! Луи! Фернан! Где вы? Похоже, потерялся я... Ну, Россия! Кто бы мог подумать, что офицер, ветеран – и потеряется в снегах! В Испании не пропал, в Германии не пропал, в Польше... г-м, не будем про Польшу... А здесь – метель! И все... Не выбраться. Где ты, Париж? В какой стороне? До тебя тысяча лье... Сколько хоть сейчас времени? Два пополудни, а темно, как у зулуса где...

Что это, мелькнуло, вроде? Во, ещё! Партизаны, что ли? Так, пистолеты... Merde! Это волки, господин лейтенант! Цезарь, выручай! Ба-бах! Хорошо попал, ишь, закувыркался! Цезарь, давай! ... Настигают, бестии! Щелк! Осечка! Цезарь, Цезарь! О, хищник! Прыгнул слева, рвет брюхо... Бедняга Цезарь... Не могу встать... Саблю наголо! Ну, иди сюда, тварь! Н-на! Без лапы не побегаешь! Где второй? Ух, ты! Вот это пасть! Вжи-ик! В прыжке попал... Навалился, не спихнешь... Убил, однако, кровища хлещет, соленая, как... Ну и воняет же от него! Как от помойки! ... Встать не могу... Нога... Подвернул... Сломал? И сил нет... Надо полежать... Полежать... Пречистая Дева, не дай пропасть...

– Фёдор! А, Фёдор!

– Чего тебе?

– Смотри, вроде конь павший...

– Так французы тут проходили... У них-то кони непривычные, метель, опять же, была. Давай, иначе, посмотрим, в хозяйстве-то все пригодится.

– Ты, что ли, конину жрать будешь?

– Дурак, ты, Лука! В сумках пошарим, седло доброе, опять же...

– Глянь, волк дохлый! А вон ещё!

– Эх, верно! Шкуру бы снять... Помоги-ка!

– Задубел уже, поди, замучаешься снимать, шкуру-то... А матерущий, волчара-то!

– Ой! Мать Пресвятая Богородица! Человек! Конем ногу придавило, глянь!

– Да ты што-о! Живой?

– Чуть живой! Снег уже на роже не тает! Француз, язви его в почку...

– Так, что ж, тоже живая душа, хоть и не нашенской веры. Давай-ка, волокушу изладь, возьмем его.

- Зазря намаемся... все одно помрет, замерз ведь совсем.
- Грех живого человека бросать. Барину отвезем! Он давеча говорил, мол, если пленный – то к нему доставить.
- Тоды ладно. Ужо барин-то даст на водочку! Топор-то где?

Бесчувственного офицера положили на волокушу. Идти было близко – всего четыре версты.

- Барин! Александр Романыч! – нежно позвала горничная Арина.
  - У-мм... Чего тебе? – тело, возлежащее на кушетке после обеда, шевельнулось.
  - Лука с Федором с разведки вернулись, француза привезли! Только она без чувств.
  - Ого! Вели в людскую нести, сейчас выйду.
  - Слушаюсь! – Арина, взмахнув золотистой косой, убежала.
- Александр Романович, зевнув и покрестив рот, нашарил ногой шлепанцы, подтянул пояс, расправил лацканы теплого узорчатого халата и двинулся в людскую, посмотреть на добычу.

В людской было жарко. Топилась печь, весело постреливая березовыми поленьями. Пахло щами и хлебом. Стекла, покрытые морозными разводами, плакали от тепла, роняя слёзы на чистый крашенный пол. Сопя и вполголоса поминая чью-то мать, Лука с Федором втащили пленника и уложили на широкую лавку. Кухарка Ефросинья, кучер Герасим и Арина боязливо крестились, глядя на залитое кровью лицо и руки француза, на его заиндевшие волосы и обледевшие, закрученные колечками усы.

Вошел хозяин.

– Ну? Что тут у нас? – строго спросил он.

Фёдор, здоровенный мужик, зверолов и медвежатник, почтительно снял шапку. Лука – тоже.

– Вот, барин, по Вашему приказу, значит, разведку делали... Нашли энтот вот, саженьх в трёхстах от дороги-то. С путя, стало быть, сбился. Волки напали, от тройки отбилсЯ, да уж не встал. Одним боком к коню привалился, а сверху волк убитый накрыл. Тем и выжил: пока они остыли-то! Думаем, недолго лежал, метель-то, только два часа, как кончилась.

Александр Романович нахмурился, подошел ближе. Потрогал ледяную руку с намертво зажатой саблей.

– Раздеть! Растереть водкою! Баню топить! – деловито распорядился он.

Сапоги снять не удалось, пришлось разрезать по шву. Шинель и мундир сняли, повозившись, без потерь.

– Глянь, подштанники, да богатые какие, вязаные! – шепнула Ефросинья Герасиму.

Арина смотрела искоса, стесняясь, краснела. Девица, что с неё возьмешь!

Прибежала ключница Феклуша со штофом можжевелевой водки.

– Так, Фёклушка. Плесни-ка по стакану Фёдору с Лукой! Заслужили!

Обрадованные разведчики хором гаркнули:

– Премного благодарны, барин!

И сразу же выпили из оловянных стакашек. Закусили хлебушком с крупной солью, крикнули. Хорошо, с морозу-то!

– Теперь, ступайте отсюда! И ты, Герасим, тоже. Здесь женские руки нужны!

Мужики вышли. Бабы – Фекла с Ефросиньей – стянули с военного нательную рубаху и подштанники.

– Ого! – в один голос восхитились обе.

Посмотреть было на что! Арина, ставшая совсем пунцовой, выскочила за дверь. Сердце колотилось, как щегол в горсти, ноги, почему-то, ослабли. В низу живота разлилось тепло.

Встряхнув головой, побежала в свою светелку – помолиться Богоматери о здравии симпатичного полоняника. Эх, если б ещё имя узнать!

Тем временем француза растирали в четыре руки суконными тряпицами, не жалея можжевелевой. Дух стоял, как в кабаке в престольный праздник! Александр Романович сидел в уголке, под иконой, довольно покряхтывая в такт скрипу лавки. Тетки старались во-всю. Их крепкие руки бережно растирали и разминали каждый вершок белого, как сметана, крепкого тела.

– Что, бабы, не ранен ли он? Кости все целы? – спросил барин, раскуривая сигару от уголька из печи.

– Не, то волчья кровь была! – весело ответила Ефросинья, как раз отмывшая теплой водой лоб и уши офицера.

Тот начал шевелиться и стонать. Александр Романович наклонился, всматриваясь. Нет, обморожений не было. Все тело пылало, как начищенный самовар. Ещё бы, почитай, час над ним трудятся!

Вошел Герасим.

– Истопили баню, барин! Дозволь, попарю сердешного!

– Что ж, будь любезен. Я сам попозже подойду. Фрося! Самовар в предбанник принесишь! И сахару побольше.

– Точно так, барин! Рому прикажете подать, к чаю-то?

– Нет. Лучше коньяку.

Могучий Герасим завернул начинающего оживать офицера в огромный пахучий тулуп, легко взвалил на плечо и понес в баню. В господскую, пристроенную к дому на задах.

Ой! Ах! Где это я? Наверное, уже в аду... Жар, волнами, аж уши горят! И адский абориген лупит меня чем-то по спине... и по заднице! Не больно, впрочем, и запах, скорее, приятный... Ну и страшилище! Прямо, как кюре их и описывал! Черный, волосатый, глаза сверкают, зубищи сквозь бородину белеют... Фартук полотняный, а больше ничего на нем... Интересно, хвост у него тоже волосатый? Ух, горячей водой, окатил! Хорошо-о! Ба, опять лущует! Да сколько же можно? ... Во, человек шевелится! Тоже, наверное, грешник...

Александр Романович, завернувшись в простыню, подошел к расprostертому на полке, хлопающему глазами пленнику.

– Ага, отживел... Полегче, Герасим.

Кучер ещё раз окатил из шайки отшлепанного веником француза и, отдуваясь, отошел в угол.

– Позвольте представиться, месье! Граф Александр Романович Ржевский, здешний помещик, гвардии полковник. В отставке... С кем имею честь?

– Антуан Сезар Карсак, лейтенант пятого гвардейского драгунского полка Его Величества Императора Наполеона Буонапарта, – сиплым голосом ответил вопрошаемый и закашлялся.

– Очень приятно! Я вижу, месье Карсак, Вы уже прогрелись и пришли в себя. Не изволите ли выпить чашку чая? Прошу за мной! – радушно предложил помещик.

С помощью Герасима Антуан вышел в предбанник. На чисто выскобленном небольшом столе стоял самовар, сахарница, бутылка с коньяком – настоящим, из Шаранты! Присутствовало также и блюдо с кренделями, при виде которых слюна у возрожденного к жизни лейтенанта забила фонтаном.

Завернулись в чистые простыни, сели на лавки.

– Это Герасим, мой кучер. По банному делу равных нет во всем уезде! Он нам послужит. Герасим! Налей-ка чайку, да сам садись, откушай с нами. Вам, сударь, как: коньяк в чай, или отдельно?

– Сначала отдельно, если позволите, господин полковник...

– Герасим! Нали-вай! Ваше здоровье, месье Карсак!

Все трое дружно выпили. Помещик и кучер залпом, Антуан в растяжку. Сразу захорошело. Схватив крендель, стал яростно жевать.

– Бедный человек! Оголодал, видать! – шепнул Александр Романович кучеру.

Прожевав, Антуан отхлебнул чаю. Стало совсем хорошо.

– Вы чай-то пейте! А напьётесь – ужинать будем, – ласково сообщил хозяин.

Лейтенант, вновь набивший рот кренделем, благодарно замычал. Русский говорил по французски отлично, правильно, даже чересчур. Впрочем, они, аристократы, в России все так говорят.

– Итак, господин лейтенант, эта война для Вас кончилась. Вы у меня в плену! Официально, хе-хе! Завтра пошлю письмо в канцелярию светлейшего князя Кутузова, пусть Вас в списки вставят... Не волнуйтесь, положено так! Поживете до конца войны у меня в гостях. И вам хорошо, и мне: будет с кем поговорить у камина!

Александр Романович скромно умолчал о собственном престиже, который необыкновенно возрастет среди окрестных помещиков, когда они узнают, что его люди взяли в плен не абы кого, а драгунского офицера! Кто ещё может похвастаться таким приобретением?

– Герасим! Заснул? Нали-вай!

– Слушаюсь! – радостно отозвался кучер, сграбастав в лапищу бутылёк.

– Позвольте поблагодарить Вас, месье Ржевский, за спасение от смерти! Выпьем, чтоб эта война поскорее закончилась! – Антуан поднял рюмку.

Чокнулись, проглотили янтарный напиток. Маленько повело. Крендель – разве ж это закуска!

В дверь постучали.

– Входи, чего там! – крикнул хозяин.

Вошла Арина, неся аккуратно сложенный мундир и сапоги гостя.

– Вот, одежду для господина военного принесла! – застенчиво улыбаясь, сказала она нараспев.

Антуан залюбовался: девушка была чудо, как хороша. Высокая, синеглазая, сдобненькая. Золотая коса толщиной в руку. Длинная, до колен. Полные губы цвета малины. Кожа белая, прозрачная, как порcelан. Брови густые, темные. Очень красивая и симпатичная девушка! В родной Франции такие не водятся.

– М-мерси! – выдавил он из себя с некоторым затруднением, ибо, почему-то, слегка сперло в груди.

Девушка улыбнулась, покраснела, опустила глаза. Потом снова посмотрела, искоса, с интересом. Красивый! Глаза-то, синие! Кудри...

– Иди, Ариша! – ласково отпустил её барин.

После того, как она вышла, Антуану показалось, что в предбаннике стало темнее. Развернул мундир, исподнее: все выстирано, выглажено, вкусно пахнет морозом. И когда только успели?

– Герасим! Помоги-ка господину лейтенанту! – подтолкнул кучера слегка захмелевший Александр Романович.

Тот, сев на корточки, расправил чулки на ногах гостя, натянул сапоги. Затем подал мундир.

– Месье Ржевский, почему Герасим черен, как эфиоп? Разве это в обычае этой страны?

– Э-э, это у батюшки моего друг его гостил, Лев Пушкин, Ганнибала потомок, арапа государя Петра Великого. Долго гостил, ну, и прижил Герасима от Ненилы, тогдашней песенницы. Дело житейское! Теперь Герасим мой дворовый человек. Люблю его! И кучер, и банщик отличный! – помещик привлек Герасима к себе и крепко поцеловал в толстые африканские губы.

Антуан слегка обалдел.

– Ну, давайте ещё по одной – и на ужин! Как говорится, Бог Троицу любит! Герасим! Нали-вай!

Выпили по третьей. Коньяк был хорош, забирало все крепче.

– Пойдемте, сударь, кушать! А ты, друг мой, приберись здесь, да бутылку себе возьми, вечером отдохнешь с ней! Ха-ха!

– Благодарствуйте, барин! – рявкнул довольный Герасим.

Подкрутив перед зеркалом усы и расчесав кудри, драгунский лейтенант Антуан Карсак шагнул навстречу новой жизни.

Глава вторая

Ужин был накрыт в малой столовой зале. Хрустальная люстра с сотней свечей ярко освещала стол, на котором сверкали хрусталь, серебро, начищенное до пожарного блеска, и фарфор. Стол был уставлен закусками: грибочки, икорка, осетринка, редька, ну, и так далее, по списку. На столике у стены старательно преломляли лучи бутылки и графинчики всех форм и размеров, таинственно мерцаая напитками самых разных цветов и оттенков. Лакеи в ливреях и белых перчатках, возглавляемые величественным дворецким с вот такими бакенбардами, стояли навтыжку.

– Проходите, сударь мой, не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома! У меня попросту, – приговаривал хозяин, потирая руки.

Нос его, и без того красноватый от специфических прожилок, после коньяку стал и вовсе пурпурным.

«Если это называется попросту, то как же у них по праздникам?» – прикинул Антуан, но представить не смог.

Вошла графиня. Совсем молодая, лет двадцати, симпатичная женщина. Круглолицая, румяная, с ямочками на щеках. Модное платье выглядело скромно, но пошито было отлично, и из дорогой материи. Бриллиантовые серьги отбрасывали цветные лучики на нежные ушки.

– О! Душенька, позволь представить тебе месье Антуана Карсака, лейтенанта драгун армии Буонапарта! Волею судеб, г-м, нашего пленника и гостя, – оживленно провозгласил граф.

Антуан низко поклонился хозяйке, поцеловал протянутую душистую ручку, не без шаловливости пощекотав усами. Француз, однако!

– Аншантэ, мадам! – негромко мурлыкнул он, чувствуя, что совсем пришел в себя.

– Сердечно рада встрече, сударь! Меня зовут Наталья Сергеевна. Увы, превратности войны, как и пути Господни, неисповедимы... Надеюсь, Вам понравится у нас! – улыбнулась хозяйка, отчего ямочки на щеках стали ещё пикантнее, – Алекс! Предложи господину лейтенанту освежиться, пока братец не подошли!

Александр Романович деловито подвел гостя-пленника к столику с напитками.

– У нас принято, чтобы напитки имелись на каждую букву алфавита, хе-хе! Водки и настойки с наливками у меня, в основном домашние. Вот, рекомендую, аперитивчик: на ремене! Или калины-ягоды?

Антуан выбрал на калине. Дворецкий ловко открыл графинчик и налил две рюмки.

– Себе налей, Никифор! – строго сказал помещик.

Антуан поднял брови. В бане ещё так-сяк, с кучером-то, но в столовой, со слугой...

– Премного благодарны, ваш-сиясь! – отозвался дворецкий, выпил рюмку, и покрутил головой, – Хороша-а! Рекомендую!

– Знаток, однако! Всегда проверяет качество, ну, и на предмет отравы... Шучу! Хе-хе! – пояснил граф.

Выпили. Калиновая оказалась очень крепкой, приятно горькой. Аппетит, действительно, сразу же разыграл с новой силой.

Вошел, сильно прихрамывая, высокий молодой человек в гусарском мундире.

– Серж! Позволь представить нашего гостя Антуана Карсака, пленного, г-м, лейтенанта драгун императора Наполеона Буонапарта! – торжественно, как-то немного искусственно произнес граф.

– Поручик Ржевский! – щелкнул каблуками гусар.

– Лейтенант Карсак! – звякнул шпорами драгун.

На долю секунды воцарилось неловкая пауза, оба военных походили в этот момент на котов, неожиданно столкнувшихся на узкой тропке и не готовых драться, затем брат хозяина дома (семейное сходство было очевидно: тот же крупный нос, густые темные брови) широко улыбнулся и протянул руку бывшему врагу.

– Добро пожаловать на постой, сударь! Зовите меня просто Серж! Я тут гощу у братца, поправляюсь после ранения.

Антуан обменялся с ним крепким рукопожатием. Поручик ему понравился.

– А вы, я смотрю, уже причастились, господа? Фи, не могли меня подождать! Никифор! Налей-ка ржаной, прозрачной!

Никифор налил Сержу из запотевшего хрустального графина, налил себе. Выпил, потянул носом:

– Хороша-а! Рекомендую!

Выпил и поручик.

– Действительно, отличная!

– Из собственной отборной ржи гоним! – пояснил Александр Романович, подводя Антуана к столу.

Лакей проворно отодвинул стул. Все сели, заложили салфетки, принялись за закуски. Так вкусно наш герой не ел даже в родном Париже!

– Месье Карсак, не расскажете ли Вы нам о своей семье? – деликатно спросила графиня.

Вытерев рот салфеткой, которую мгновенно заменили, Антуан начал рассказывать:

– Увы! Я один на всем белом свете! Мои родители были казнены, как враги нации, во время террора. Меня воспитал дядюшка, школьный учитель. Мы жили в Париже. Семнадцати лет я вступил в армию... Сейчас мне двадцать шесть. Дядя умер пять лет назад.

Все сочувственно повздыхали. Графиня промокнула повлажневшие глаза кружевным платочком.

– Позволю себе и я поинтересоваться, господа. Где я нахожусь? – прожевав кусок осетрины задал мучивший его вопрос драгун.

– Село Тимашово, семнадцать верст от Боровска. Три тысячи семьсот душ. Изволите ли видеть, моё родовое имение. Живем самодостаточно – все свое! – объяснил граф.

– В Боровске военный комендант, Вам придется с ним познакомиться, сударь, – добавил поручик Ржевский.

– О, да! Я понимаю! – кивнул Антуан.

Предмет был деликатный. Конечно, допроса в контрразведке не избежать. Но для всех – он просто отставший от своего полка офицер. Никаких документов о его секретной миссии нет. Все было приказано держать в голове, именно на случай плена, и лейтенант Карсак был избран для сокрытия обоза с трофеями исключительно благодаря своей памяти. Он мог с запомнить и воспроизвести потом любой пейзаж, нарисовать любую местность, укрепления противника с точностью необычайной, со всеми деталями. Недаром он, вот уже три года, был командиром эскадрона разведчиков. Так что клад у деревни Сороковеть он не выдаст, а самим русским вовек не догадаться!

Тем временем подали уху с растягаями. Божественно! Нет, пожалуй, в плену жить можно!

– Вы знаете, господа, у нас в армии ходят истории о некоем русском гусарском поручике, Вашем однофамильце, Серж, который изобрел новую карточную игру, легендарную Пипиндру. Но никто не знает правил. Было бы очень интересно...

– А! – захохотал поручик Ржевский, – Надо же, даже у вас слыхали! Сейчас покажу... Никифор! Поддай карты!

– Почему такой игры не знаю? Покажи, Серж, мне тоже интересно! – воодушевился старший брат.

Поручик стасовал колоду и раздал всем по карте.

– Делайте ставки, господа! – предложил он, кладя на стол империал.

Граф и Антуан также положили по золотому.

– Объясняю правила: тот, у кого Пипиндра, выигрывает. Нужно просто объявить: у меня Пипиндра!

– Но что есть Пипиндра, Серж? – озадаченно спросил Александр Романович, разглядывая свою карту, семерку треф.

– Это не есть важно! Как говорят англичане, джэнтльменам верят на слово. Итак, у меня Пипиндра! Я выиграл! – с этими словами поручик Ржевский предъявил валета пик и сгрёб деньги.

Граф и драгунский лейтенант ошарашенно вытаращили глаза.

– Желаете отыгаться, господа? – веселился шалун-гусар.

– Да! – хором ответили его противники.

Карты раздали снова. Ставки удвоили.

– У меня Пипиндра! – быстро объявил граф, едва глянув на свою карту.

– У меня... тоже! – нашелся Карсак.

– О, редкий случай! Две сразу, надо же! Открывайтесь, господа! – предложил Серж.

Александр Романович открыл короля бубен. Антуан положил на стол свою десятку треф.

– Ваша Пипиндра старше, братец! – заявил гусар, откровенно веселясь.

– Ага! – обрадовался помещик, готовясь забрать выигрыш.

– Не так быстро, Алекс! У меня – козырная Пипиндра! – на стол шмякнулась шестерка червей.

Поручик положил выигрыш в кошелек. Все захохотали.

– Вот такая, значит, новая игра! – веселилась графиня, – Надо будет показать, когда гости приедут!

– Ещё про Вас говорили... – начал Антуан, отсмеявшись.

– Э-э... давайте не будем! Все равно это неправда! – быстро вымолвил поручик Ржевский.

– Но... – растерялся француз, прерванный на полуслове.

Поручик подмигнул ему левым глазом и нажимом спросил:

– Что Вы там такое про Париж говорили, господин Карсак?

Все примолкли, удивленные такой реакцией. Чтобы сгладить неловкость, Антуан предложил тост за очаровательную хозяйку дома. Никифор налил всем шампанского, ибо за дам не принято пить водку. Выпили с энтузиазмом! Всем захорошело, Наталье Сергеевне в том числе. Один Никифор оставался трезвым, как будто и не выпил уже двенадцать пузатеньких рюмок разных напитков (без закуски!) и фужер шампанского. Такая у него была работа...

– Я, изволите ли видеть, сударь, на Натали недавно женился, – объяснил гостю граф, отвечая на невысказанный вопрос о разнице в возрасте, – Как раз после возвращения из Петербурга, прошлой весной. Два года вдовел, первая-то моя супруга, Клавдия Михайловна померла от воспаления легких, царствие ей небесное! Пятнадцать лет прожили вместе. Деток Бог не дал нам с ней... А наследник-то, нужен!

Он поцеловал жене ручку. Та слегка зарделась. Отставной гвардии полковник умолчал, что от дворовых женщин у него было несколько внебрачных детей, и графиня об этом знала. Конечно, все они были крепостными, и детьми признаны не были. Но сам факт такого многочислая доказывал несомненную мужскую силу Александра Романовича, и ей нужно было во что бы то ни стало оправдать его надежды на наследника.

– А вот, я в полку историю слышал! – восторженно уже изрядно захмелевший поручик, – Один помещик, назовем его N, приехал в имение покойного папеньки. Смотрит – мужик сено косит, похож на него, как брат-близнец! Удивился, конечно, подозвал его и спрашивает, не дво-

ровая ли женщина у его отца была мать этого мужика. А мужик отвечает, что нет, не дворовая, но батька его и посейчас кучером служит у барыни...

Все захохотали, а громче всех – графиня, которую этот рассказ навел на интересные мысли.

– Это что же... Это значит, он... Ой, не могу! Барин – от крепостного! Ха-ха-ха! – над-
рывался граф, вытирая выступившие слезы.

Выпили за любовь, которой все сословия покорны. Поскольку пили ржаную, уже отпро-
бованную, Никифор пропустил.

Принесли горячее – жареного гуся с яблоками и спаржей. После гуся Антуан почувство-
вал, что набит доверху, и не сможет вместить более ни кусочка. От приятного чувства сытости
и всего выпитого клонило в сон. Опять же, баня... Но подали ещё десерт – домашнее мороже-
ное, изумительно вкусное, и ликеры – клубничный, рябиновый, ананасный и ещё штук пять.
Никифор добросовестно отпробовал все.

Поговорили о разном. Антуан выяснил, что Тимашово – не единственное имение графа
Ржевского, что он владеет деревнями не только в Калужской губернии и периодически объез-
жает их, устраивая смотр. Зиму и весну принято проводить в Петербурге, где у графа дом, но,
из-за войны, этой зимой они с женой останутся в деревне.

– Надо разделить лишения с народом, страданием очиститься! – с пафосом вещал Алек-
сандр Романович.

«Действительно, как я не заметил, сплошные лишения и страдания у людей!» – подумал
Антуан иронически, но виду не подал.

Подали сыр. Вернее, блюдо с полудюжиной сортов. С удивлением парижанин узнал Рок-
фор, Камамбер, Эмменталь, Грюэр – свежайшие, со слезой!

– Я вижу, граф, что, несмотря на войну, Вы умудряетесь покупать сыры в Европе! –
восхитился он, кладя ломтик Рокфора на тонкую пресную галету.

– Покупать? В Европе? – искренне удивился Александр Романович, – Ах, сыр! Нет,
сударь, это местное производство. Сосед мой, Шереметев, делает. Такое у него, как говорят
англичане, хобби. Во Франции учился, мастеров нанимал. Такую сыроварню отгрохал! Ну,
любит он сыр! Теперь всю округу снабжает, и даже в столицу, государю-императору, шлёт.
А ведь не хуже французских, ей-богу! А что, молоко-то отличное! У нас такие луга! Вообще,
край богатейший. И лес, и речка. Земля, правда, не чернозём, но родит хорошо, ежели пра-
вильно хозяйствовать. У меня в оранжерее персики и ананасы растут! Сладкие-сладкие!

– А у Вас какое хобби, месье граф? – полюбопытствовал Антуан.

Идея хобби была для него совершенно новой.

– Я столяр-краснодеревщик, – помещик показал мозолистые ладони, – Вся мебель в этом
доме моими руками сделана!

– Это верно, братец часов по пяти каждый день в мастерской проводит! – подтвердил
поручик.

Наш лейтенант потерял дар речи. Богатый человек, офицер, аристократ – и столярничает!

– Я не понимаю... Вы ведь могли купить мебель... Или сделать на заказ...

– Что Вы, сударь! Намного интереснее самому! Особенно приятно готовое изделие поли-
турой покрывать. Так, знаете ли, фактура играть начинает! Чудо! Да у нас все помещики хобби
имеют. Я столяр, Шереметев – сыровар, Оболенский – сапожник. Такие туфли моей Натали
подарил – любо дорого! Он всем в уезде обувь шьет. Вот, смотрите! – граф выставил напо-
каз сапог, – Шевро! Пять лет ношу и радуюсь! Как вторая кожа! Натали, душечка! Покажи
туфельку!

Наталя Сергеевна кокетливо приподняла подол, показывая изящную туфельку и строй-
ную лодыжку.

– Ну, так высоко-то, не надо бы! – укорил её муж.

Графиня заливисто рассмеялась. Носик её лукаво сморщился.

Голова у лейтенанта, простого парижанина, пошла кругом. Ум зашел за разум. Сапоги, сыр, мебель... Все делают аристократы, своими руками. Обалдеть!

– Я Вам попозже, месье Карсак, сундучок сделаю, для личных вещей! – продолжал Александр Романович.

– Сочту за честь, такой подарок... Только у меня и вещей-то нет...

– Будут! – уверенно заявил столяр-помещик, – Вы ведь к нам не на неделю, и даже не на месяц!

– А я живописцем подвизаюсь! – подал голос поручик Ржевский, – Пейзажи пишу, но особенно люблю девиц симпатичных изображать! В стиле Нью. Намедни закончил картину: «Психея» называется. Деваха-натурщица красивая, фигуристая, загляденье! Но как же трудно было работать, господа!

– Это почему же, Серж? – удивилась графиня, – Дунька вертелась, что ли? Велели бы посечь!

– Нет, не вертелась, – покраснел поручик, – Глазами стреляла, шельма!

– Ну, так наказали бы... по-свойски! – веселилась графиня.

Щёки её покраснелись, глаза сияли. Высокая грудь волновалась под корсажем.

– Так, это... Наказывал! – развел руками Серж, – А она опять... провоцирует на, г-м, наказание!

Все смеялись до упаду, у Антуана даже живот заболел.

Подали кофий, коньяк и сигары.

– Никифор! Позови песенников! – ласково попросила графиня, – Гулять, так гулять!

Через несколько минут в залу вошли пятеро молодых парней в одинаковых малиновых рубашках. Трое с балалайками, причем одна – здоровенная, с опорой на пол, один с гармошкой, и ещё один – со сложной конструкцией из трех барабанов и медных тарелок. Споро разместив аппаратуру, они замерли в ожидании.

– Что исполнить, барин? – спросил почтительно парень с самой маленькой балалайкой.

– Давайте-ка, для начала, Светит Месяц!

Квинтет начал весело:

Светит месяц, светит ясный!

Светит полная луна!

Играли виртуозно! Барабанщик старался до пота, выбивая палочками причудливый ритм, каждая балалайка вела свою партию, оттеняемая гармошкой.

– А сейчас будет изумительное соло на басах! – шепнул Антуану довольный Александр Романович.

Действительно, соло на басовой балалайке, или, как называли её музыканты, басухе, прозвучало впечатляюще.

Песня закончилась, музыканты поклонились в пояс. Слушатели захлопали.

– У меня один английский лорд гостил, сэр Вальтер Скотт, сочинитель, так он очень их хвалил! Прямо, говорит, камнепад, Роллинг Стоунз, по ихнему! Вот я и назвал ансамбль: Камнепад! Ведь на катящемся камне мох не вырастает, хе-хе! А Митьке Жагерову, солисту, псевдоним сценический придумал: Мик Жаггер! Лучше моих во всей России не найдете! Ударную установку они сами изобрели! И нотную грамоту знают! Что хошь сыграть могут! Хотя, больше, конечно, по слуху работают. Они у меня на оброке, хорошие деньги зарабатывают. Только на зиму домой возвращаются, – хвастался ансамблевладелец.

– Желаете, барин, новую вещь исполним? – спросил Мик Жаггер, – Только что закончили.

– А ну-ка! – поощрил отставной полковник.

И ансамбль «Камнепад» начал песню, впоследствии широко известную по всей России:

Шумел, горел пожар московский,
Дым расстился по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.

«Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?
Теперь с поникшей головою
Стою на крепостных стенах.

Все войско, собранное мною,
Погибнет здесь среди снегов,
В полях истлеют наши кости
Без погребенья, без гробов».

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

(«Он». Слова Николая Соколова, музыка народная. Прим. Автора)

Песня произвела на всех сильнейшее впечатление. Антуану перевели, он тоже проникся. Действительно, судьба играет человеком... О, Император! Не скоро удастся предстать пред твоими очами и доложить, что задание успешно выполнено, и несметные сокровища ожидают хозяина в укромном месте в полной сохранности! Но плен не вечен...

– Никифор! – растроганно приказал барин, – Выдай ребятам по чарке! Заслужили! Помилуй Бог, заслужили!

– Вот если бы можно было машину построить, чтоб музыку запоминала вместе с пением! Спели в неё, рычаг повернули – и машина исполняет, что запомнено: хоть арию из оперы, хоть плясовую! – мурлыкнула графиня мечтательно.

Она была большая любительница музыки и коллекционировала музыкальные шкатулки.

– Душа моя, сие невозможно! – мягко возразил муж, – Музыкальный строй можно воспроизвести механикою: сами видели, пупырышки на валиках за пластиночки задевают и мелодию рождают. А голос как?

– А вот попугаи запоминают голос! – возразила Наталья Сергеевна капризно.

– Ну их, попугаев этих! – угрюмо буркнул поручик, передёрнув плечами, – Однажды был я... э-э... в гостях у одной купчихи, в Твери. И в самый, знаете ли, пикантный момент сзади вдруг раздается: «Мер-рзавец! Кто таков? Запор-рю!». Я растерялся, решил, что муж вернулся и невеста что про нас подумал, хватаю сапоги, саблю – и в окно! А купчиха мне кричит: «Сержик, это попугай!». Ну, вернулся, конечно, только настроение было уже напрочь испорчено, и визит мой закончить... г-м, так, как хотелось, не смог. И ещё целый месяц потом в... э-э... гости не тянуло. С тех пор попугаев не люблю...

Антуана согнуло от смеха, Александр Романович грохотал пушечными залпами гомерического тембра, графиня икала до посинения.

Концерт продолжался ещё целый час. Спели несколько романсов и плясовых песен, даже цыганских!

Кофий остыл, сигары догорели. Музыкантов отпустили, хотя и неохотно.

– Что ж, пора на отдых! Пойдемте, сударь, я Ваши покои покажу! – встал Александр Романович, делая рукой знак Антуану.

Тот, отдуваясь, встал на непослушные ноги. Спать! Это здорово!

Пройдя по коридору, хозяин открыл одну из дверей:

– Здесь и будете жить, месье Антуан! Гостиная, спальня, кабинет! Это у меня специальные, гостевые покои. Туалет вон там, за ширмой. Последнее немецкое изобретение – унитаз называется! Дергаете за цепочку – и все смывается! Ну, спокойной ночи! Завтра подберу, кто Вам служить будет. А пока сами. Если что понадобится – позвоните, вот звонок.

С этими словами полковник Ржевский вышел, притворив дверь.

Не в силах более бороться с наваливающимся сном, Антуан стянул мундир и сапоги и рухнул на огромную кровать под балдахином. Завтра он осмотрится хорошенько... Интересно, а кровать, и все эти балясины, тоже хозяин делал? Это была его последняя мысль. Сон поборол его. Во сне приснилась Арина, поющая русскую песню.

Глава третья

Утром пленный драгун проснулся хорошо отдохнувшим и сильным. Любопытство бурлило в организме, требуя немедленного удовлетворения. Удовлетворять его он начал с немецкого изобретения – унитаза. Гениальная вещь! Удобно и гигиенично! Затем освоил продвинутый умывальник: нажимаешь педаль – течет вода. Он и раньше слышал, что в России все моются проточной водой. Умывшись, критически рассмотрел себя в зеркало: глаза слегка припухли, а так – ничего. Причесавшись, провел ладонью по подбородку и огорчился: суровая, как наждак, трехдневная щетина оцарапала руку. Попросить у хозяина бритву? В шкафу нашел халат и домашние туфли. Примерил – впору. Надо же, какая забота о человеке! Осмотрел квартиру: в спальне, кроме туалета, была прикроватная тумбочка, шкаф для одежды и белья – огромный, туалетный столик с трельяжем, кресло.

В гостиной – диван, пара кресел, небольшой, так называемый, кофейный, столик, камин с часами на полке. На стене – картина. Обнаженная красавица с фруктами и цветами в волосах. Исполнено недурственно. Пригляделся, прищурившись, разбирая кириллицу: Ржевский! Значит, господина поручика работа. На другой стене – небольшая коллекция холодного оружия: шпаги, мечи времен крестовых походов, кинжалы, пара ятаганов. Несомненно, хозяин из Турции привез. В углу какое-то дерево в кадке. Годится, скромненько, но со вкусом.

Перешел в кабинет. Письменный стол с чернильным прибором и стопкой бумаги, удобное кресло, бюро, книжный шкаф. Подбор книг: Библия на латыни, несколько романов, мемуары какого-то путешественника... Атлас России и Европы! Это интересно, полистаем на досуге. Вернулся в спальню. Обратил внимание на небольшую картину на стене: пастушка раздевается перед купанием в реке. Ничего, складная пастушка! Тоже работа брата хозяина, г-м! Но, что же дальше? Поразмыслив, дернул шнур звонка. Через несколько минут вошел молодой парень с бритвенными принадлежностями.

– Доброе утро, сударь! Меня зовут Мишель, – приветствовал он Антуана на хорошем французском, – Пожалуйста бритесь!

Слегка удивившись, наш герой сел в кресло.

– Я, сударь, назначен Вам служить, – продолжал Мишель, проворно взбивая мыльную пену в чашке, – Коли какая нужда возникнет – сразу мне говорите.

– Какой здесь распорядок дня? – поинтересовался Антуан.

– Завтрак в восемь. Никифор в гонг ударит, услышите. Обед в час пополудни. Чай в пять. Ужин в восемь.

Лейтенант скосил глаза на часы: полвосьмого. Время есть.

Мишель сноровисто водил по лицу бритвой, отлично направленной. Через несколько минут щетины не стало. К лицу приложили горячий компресс. Приятно! С самой Варшавы так не брился!

– Одеколон какой желаете, сударь? – осведомился Мишель, а по русски – Миша.

Из пяти предложенных, Антуан выбрал Кёльнскую Воду. Затем облачившись в мундир и сапоги с помощью нового слуги, вышел из квартиры.

– Проводи меня на двор, друг мой Мишель, хочу размяться!

– Сюда пожалуйста, сударь!

Они вышли во двор через боковую дверь. Антуан огляделся: все засыпано снегом, воздух тих, ни ветерка. И, вроде как, не холодно! Хозяйственные службы, работники в зипунах заняты делом. Деревня виднеется чуть дальше, четверть лье, а то и меньше. Около дома большой замерзший пруд. Главная аллея, ведущая к парадному входу, усажена вековыми липами. Впечатляет!

Отходя в сторонку, вынул саблю (оставили, оказали уважение!), провел бой с тенью. Кровь заиграла с новой силой, наливая тело бодростью. Во, теперь можно и на завтрак! Вернулся в дом, постучав ногами, отряхивая снег. Мишель тенью следовал за ним.

– Как бы мне приобрести кое-что из одежды, белья? – спросил Антуан слугу.

– Не извольте беспокоиться, все будет, сударь! – весело ответил тот. Новый хозяин ему нравился.

Завтракали в той же малой столовой. Завтрак был подан английский: тосты, яичница с ветчиной, овсянка, мармелад, масло. Кофий пах одуряюще вкусно. Сливки были густые, желтые, подогретые. В сахарнице голубыми алмазами искрился мелко наколотый рафинад. Хорошо-то как!

Никифор поднес хозяину рюмку водки на черносмородиновых почках:

– Во здравие, Александр Романыч! – истово пожелал он, глядя на движущийся кадык барина, глотающего целебный напиток.

– Спаси Христос! – отозвался помещик, веселея на глазах.

Поручик и Антуан от водки отказались.

Завтрак прошел быстро и по деловому. Графиня спросила Антуана, хорошо ли он спал, на что тот честно ответил, что спал без снов, и очень доволен квартирой и слугой. Граф покинул, мол, само собой.

– С Вас мерку надобно снять, сударь, – сказал он после завтрака, – А потом пойдем, я Вам усадьбу покажу.

Вернувшись в свою квартиру, Антуан обнаружил, что его ждут портной и башмачник. Сначала им занялся портной. С помощью Мишеля он снял мерку и показал образцы тканей. Объяснил, что пошьет для начала два сюртука и брюк тоже две пары, а также полдюжины рубашек. Затем сапожник, вручив заказчику два ведра с песком, обвел его, одетые в одни чулки, стопы, карандашом на листах бумаги. Кронциркулем померял подъем стопы, записал в книжечку. Обещал в скором времени сапоги и штиблеты.

– А что, Мишель, мастера тоже крепостные?

– Да, сударь. Они на оброке, считай, совсем, как вольные.

– А ты?

– Я – другое дело, я человек дворовый. Специально ремеслам не учен. Служить – другое дело.

– А откуда ты так хорошо французский язык знаешь?

– Так ведь в доме сызмальства, все при барах. Мы переимчивые, вот и научился!

– Ого! Молодец... Знаешь ли грамоту?

– Точно так, сударь! И французскую, и русскую. Только по французски пишу с ошибками.

Но читаю бегло. Извольте, почитаю Вам на ночь?

– Г-м! Возможно... Сейчас проводи меня к барину, мы гулять пойдем.

– Всенепременнейше, сударь! Вот, извольте полушубок поверх мундира накинуть!

– Нет, я шинель лучше.

Александр Романович, одетый в полушубок и валенки, ждал на крыльце.

– Что ж, месье Карсак, пойдемте обнюхивать углы!

Они не спеша пошли осматривать усадьбу. Оранжерея, в которую зашли прежде всего, произвела на француза огромное впечатление. Стены из дорогих, больших стекол, натоплено, как в Африке. Десяток ананасных кустов, грядки под ягоду, деревья какие-то! Лимоны, мандарины!

– Растет отлично, только дров уходит прорва! – объяснил хозяин, срывая мандарин и презентуя его гостю.

Антуан съел душистый фрукт и только головой покрутил. Мандарин! Прямо с ветки! Зимой!

Осмотрели конюшню и каретный сарай. Кони все сытые, ухоженные – уж в конях-то драгунский лейтенант знал толк! Под седло только один жеребец – наверное, поручика.

Осмотрели хлев, овчарню. Коровы толстенькие, веселые, чистенькие. Овцы тоже, хоть на выставку.

– А вот псарни у меня нет! Псовую охотой не увлекаюсь, – развел руками помещик, – И соколиной тоже!

Последней посетили столярную мастерскую. Все в образцовом порядке, инструменты разложены по полкам. На полу – ни стружечки.

– За порядком слежу! – похвастался Александр Романович, сбрасывая полушубок и надевая фартук поверх старенького сюртука, – Извините, сударь, работать надо! К братцу в мастерскую уж без меня, пожалуйста!

Поручик Ржевский в просторной студии был занят тем, что выстраивал композицию из грудастой красавицы и копья со щитом. Одета девица была в золоченый древнегреческий шлем и сандалии. Больше ничего.

– А, месье Карсак! – обрадовался он, – Вот, хочу Диану изобразить! Как по Вашему, модель подходящая? Дуняша! Повернись-ка!

Дуняша грациозно, без стеснения и жеманства, повернулась на триста шестьдесят градусов.

– Фигура хорошая! – одобрил Антуан, – Только грудь великовата.

Дуняша, поняв по жестикации, о чем говорит француз, надула губы и что-то дерзко сказала, вроде бы ни к кому не обращаясь. Ржевский захохотал и погрозил ей пальцем.

– Что она сказала? – поинтересовался наш знаток женской красоты.

– Сказала, что кое-кто большой вырос, а ума не вынес! И ещё сказала, что, когда Бог сиськи раздавал, она первая в очереди оказалась, а когда чувство прекрасного – то кое-кому не хватило!

Антуан тоже засмеялся. Дуняша мстительно показала ему язык.

– А где Вы реквизит берете, поручик? – спросил, отсмеявшись, облитый презрением наш герой.

– К соседу позавчера прокатился, князю Обнинскому. Он охотно одолжил. Тут недалеко – верст сорок пять. У него хобби – театр. Скоро премьеры, между прочим! Съездим?

– Не понял... Как так, театр? Любительский, что ли?

– Нет, он, натурально, театр построил: сцена, занавес, партер, ложи. Буфет! На две сотни мест. В смысле, театр, а не буфет, г-м. Оркестр у него, труппа. Пьесы сам пишет, а то даже Шекспира ставит, Бомарше, ну, или ещё кого-нибудь. Иногда и сам играет, но не главную роль, а так: кушать подано, потому, что скромный он человек. Но талант, однако, огромный!

– Но артисты...

– А! Вы об этом! Конечно, крепостные все. Неужто не слышали?

У простого, неискушенного француза голова пошла кругом: собственный театр! Это покруче сыроварни будет!

– Обязательно съездим, месье Ржевский!

– Ну, вот и славно, уговорил я Вас, значит... О! Дуня! Замри! То, что надо, прелесть моя!

Поручик принялся набрасывать углем на холсте. Антуан почувствовал себя лишним и тихо удалился.

Погуляв ещё часок по поместью и озябнув, вернулся к себе. Было около двенадцати.

– Если я Вам понадобится, сударь, так я в людской. Позвоните – сразу приду, – сообщил Миша.

– погоди, мой друг, не уходи. Поговорим немного, я ведь ничегошеньки не знаю. Давай-ка, чаю вместе выпьем!

– С ромом изволите? Или со сливками? – деловито спросил слуга.

– Не надо рому. С сахаром и печеньем, ладно?

Миша вышел и вскоре вернулся с блюдом свежайших, теплых ещё кренделей, сахарницей, молочником и заварным чайником. Минут через десять Ефросинья внесла самовар, важно пыхающий паром.

– Бон аппетит! – пожелала она Антуану.

– Мерси... – растерялся тот.

Ефросинья вышла.

– Неужели тоже французский знает? – обратился господин к своему слуге.

– Нет, только несколько слов! – улыбнулся Миша, наливая кипяток в чайник.

Пока чай заваривался, Антуан молчал и теребил ус. Много в этой жизни было совершенно непонятно. Например, насчет денег. У него оставалось луидоров двадцать и немного мелочи, но надолго ли этого хватит? Платить за стол, за квартиру, за одежду и обувь... Конечно, он военнопленный, но... Военнопленным роскошь не положена!

Миша налил чашки:

– Кушайте, сударь!

Отхлебнув крепкого, душистого напитка, Антуан осторожно спросил:

– Дорого ли мне встанет гостеприимство господина полковника? Если честно, денег мне ждать неоткуда, в плену-то. И прислать некому, родственников нет.

Миша вытаращил глаза и поперхнулся чаем. Прокашлявшись, ответил:

– Господи, сударь! Хорошо, что Вы меня об этом спросили, а не Александра Романовича! Вот уж обидели бы, так обидели! Вы же гость у нас. А гости никогда не платят ни за что, таков уж обычай. Хоть сто лет живите – в голову не придет с Вас хоть копейку взять! Да ещё Ваше деликатное положение, г-м, военнопленного. Нет, даже и не думайте! Вот, ежели в город поедете, то – пожалуйста, тратьте деньги, коли охота. А здесь Ваши деньги хождения не имеют! Так-то!

У пленного драгуна отлегло от сердца.

– Порядок в имении образцовый, мне понравилось. Лучше даже, чем в армии. Но, если все работники крепостные, как они на жизнь зарабатывают? И кто порядок поддерживает?

– Барин наш передовых, значит, взглядов держится. Понимает, что должна быть материальная заинтересованность. Все крестьяне на оброке, барщины уж нет. Дворовых людей барин кормит, обувает, одевает, даже и деньги дает. А насчет порядка... Все очень просто: делаешь свое дело хорошо – наградят. Плохо – выпорют. А смутьянов – в солдаты.

– Действительно, просто! М-да... Но, как же крепостной театр? Там же из-под палки не поиграешь?

– Конечно, сударь, театр – искусство Мельпомены, там таланты нужны. Так князь Обнинский их ищет и находит! Среди своих людей, а то по соседям ездит, смотрит. Если талант, то покупает или выменивает. В театр к нему попасть за большое счастье считается. Он, труппу-то, летошний год, в Италию возил учиться! Ну, понятно, не всех, самых перспективных. Говорят, оперу будет ставить. А балет уже есть!

Антуан поразился:

– То-есть, живых людей покупает!? Или... выменивает?!

– Ну, а как же иначе? Ежели он талант, и на сцене представлять достоин, что ж ему, сохой землю ковырять, зарывать своё дарование? Вон, Меропа Прянишникова, птичницей

была у господ Шереметевых. А князь её открыл! Сменял на пару рысаков. Теперь она прима-балерина у него в труппе. Прима! Плохо, разве? Меня, вот, тоже смотрел весной.

– И, что?

– Не подошел я ему, таланту нету, – понурился Миша, – А уж как старался! Стихи наизусть читал!

– Что ж, все спектакли в имении у себя ставит? Только соседские помещики в его театр ездят?

– Не только, сударь. Они и в Калуге спектакли дают для широкой публики, и даже в самой Москве-матушке! Сборы огромные! Аншлаги каждый вечер! Говорят, что сам наш государь-император заинтересовался, так, может, и в самый Санкт-Петербург поедут!

Миша макнул крендель в чай. Пил он из блюдечка, держа его на растопыренных пальцах и шумно прихлебывая. Такого способа употребления чая наш француз никогда не видел.

– Скажи, друг мой, – сменил он тему, – как можно отправить письмо? Почта работает?

– Почта? Работает, а как же! В Боровске, в уезде. Только, поскольку сейчас война, за границу письмо не пошлете, сударь! Вернее, цензура его задержит, как Вы есть военнопленный.

– Но, после войны, думаю, можно будет?

– Наверное... Я, сударь, сроду никому писем не посылал.

Антуан задумался. Канал связи на случай плена был предусмотрен. Нужно было послать письмо с заранее оговоренным текстом на адрес в Бордо. Но, до конца войны, это вряд ли удастся... Что ж, подождем!

Прозвонил гонг к обеду. Встав, Антуан с неудовольствием услышал в животе бульканье чая. Пил он с Мишей наравне, и, соответственно, выпил четыре чашки. Ну, да ладно! Как гласит французская народная мудрость, вода дырочку найдет.

Войдя в столовую, поцеловал ручку графине – второй раз за сегодня. Ей это явно нравилось, особенно деликатное щекотание усами, г-м. Граф пришел через минуту, все в том же стареньком сюртуке, только фартук снял. От него крепко пахло скипидаром. Поручик, тоже в партикулярном платье, уже задействовал Никифора. Все приняли по рюмашке для аппетита, закусили нежнейшей селедочкой. Лакеи двигались бесшумными теньями, накладывая на тарелки закуски.

– Я вчера гонца отправил в Боровск, к военному коменданту. Привез распоряжение: Вам, месье Карсак, необходимо встать на учет, лично посетив комендатуру. Вот, прямо завтра туда и съездим! – благодушно поведал Александр Романович, накалывая на вилку соленый рыжик, чтобы закусить им вторую рюмку.

– Раз так положено, то конечно поедем, господин граф. Только, Вам, наверное, неудобно будет из-за меня время терять, от дел отрываться?

– Пустяки! – граф хлопнул вторую рюмку и, зажмурившись от удовольствия, положил в рот рыжик, – У меня всегда дела в городе найдутся, к тому же, я должен официально поручиться, что беру Вас на к себе на постой.

– Я с вами поеду! – воодушевился Серж, – Красок купить, то, да сё... Проветрюсь, в общем.

– Знаем мы Ваши проветривания! – лукаво улыбнулась Наталья Сергеевна, – Итак, она звалась Полина?

– Нет, братец, мы на ночь не останемся! Туда – и сразу обратно, – развел руками Александр Романович.

– А! Всё равно поеду! – несколько обескураженно отозвался поручик, – Загляну к друзьям, хоть на минутку!

– Ага, к друзьям! Там, в переулке, за забором, жила веселая вдова! – хихикнула графиня. Серж порозовел, и, чтобы скрыть смущение, выпил ещё водки. Он отомстит насмешнице!

В огромной фарфоровой супнице принесли зеленые щи. Отдельно Ефросинья поставила на стол чищенные крутые яйца на серебряном блюде.

– Ефросинья! Сколько раз тебе говорить: не клади яйца на серебро! Оно от этого чернеет, а яйца дурно пахнут! – сделала замечание графиня.

– Век живи – век учись! – довольно громко произнес поручик Ржевский и переложил свой серебряный портсигар из кармана брюк в карман сюртука.

Граф, оценив его тонкий ход, заржал. Графиня смутилась и мило покраснела. Антуан ничего не понял, так как русским не владел.

Щи из оранжерейного щавеля были необыкновенно вкусны. Потом ели карпов из собственного пруда, зажаренных в сметане, и жареную баранину с картофелем. На десерт – фрукты и сыры. Разговор был легкий. Антуан рассказывал о Париже, о Варшаве – местах, всем присутствующим отлично знакомых и любимых. После обеда братья Ржевские вернулись к своим занятиям: граф в мастерскую, а поручик – в студию к Дуняше. Графиню же ждал французский роман, дочитанный уже до половины.

Антуан решил отдохнуть у себя, почитать и, возможно, вздремнуть. Ему немного нездоровилось: все-таки крепко переохладился вчера. Вчера? А, кажется, целая вечность уже прошла... Придя в спальню, он, с помощью Миши разделся.

– Прикажете ночную рубашку, сударь? – спросил слуга.

– Нет. Я привык голым спать, – пожал плечами Карсак, потягиваясь и направляясь к кровати.

– Пятки почесать не требуется? – заботливо поинтересовался Миша.

– Чего-о?! – изумился вопрошаемый.

– Ну, на нет и суда, значит, нет! Если что – я в людской, сударь! – напомнил Миша и вышел.

Антуан лег, немного погодя накрылся одеялом и принялся за чтение.

С другой стороны стены Наталья Сергеевна аккуратно заткнула дырочку гвоздем. Щёки и уши её горели.

Глава четвертая

«Трепеща, на цыпочках, Люсиль подкралась к изголовью огромного ложа, устланного цветными шелками и атласом. Ключи от дверей, ведущих на свободу, лежали под подушкой тирана. Вытянув дрожащую руку, она на мгновение помедлила, невольно залюбовавшись лицом спящего.

– О-о! Как он прекрасен, этот деспот! – прошептала она дрожащим от внезапно вспыхнувшей сладкой греховной страсти голосом.

Ухватив связку ключей, осторожно потянула на себя. Ключи звякнули, и в следующий момент могучая рука сомкнулась железным браслетом на её хрупком запястье.

– Ага! – торжествующе вскричал Гасан Абдул Абдурахман Муамар Керим Саид Омар ибн Мухаммед.

Не разжимая стальной хватки, он взгляделся в лицо Люсиль.

– О, ты та самая пленница, которую я ещё не познал! Клянусь всеми тайными именами Аллаха и бородой Мухаммеда, пророка его, ты будешь моею!

Свободной рукой он принялся сладострастно совлекать с неё одежды...

Гордо выпрямив свой стройный, подобный кипарису, стан, Люсиль вперила пылающий взор своих прекрасных, как у юной газели, заплаканных глаз, в искаженное звериной похотью лицо Гасана Абдула Абдурахмана Муамара Керима Саида Омара ибн Мухаммеда. Она начала догадываться, что падишах намеревается совершить с ней блуд, лишить её невинности!

Огромный адамант на его чалме сверкал нестерпимым блеском в лучах восходящего солнца. Ятаган с увенчанной кроваво-красным рубином рукоятью у пояса, расшитого золотом, сиял полированной сталью, выглядя истинным воплощением кошмарной смерти. О, лучше смерть, чем бесчестье и жалкая позорная жизнь во грехе в гареме насильника-нехристя, хотя бы и падишаха! Что скажут люди!

– Ты можешь делать со мной всё, что хочешь, Гасан Абдул Абдурахман Муамар Керим Саид Омар ибн Мухаммед! Я слабая девица и не могу сопротивляться насилию! Можешь даже надругаться над моим девственным телом, но знай: я буду холодна, как мрамор! И даже это посягательство не заставит меня отречься от моей веры! – страстно вскричала девушка.

– При чем тут твоя вера? – удивился сластолюбивый хозяин дворца, борясь с неподатливыми крючками платья.

Чувствуя, как платье сползает с плеч на пол, Люсиль опустила на колени и осенила себя крестным знаменем, готовая покориться неизбежному.

– О, так ты христианка? Поклоняешься пророку Иссе, ложно почитая его за сына божия? – заинтересованно спросил падишах, ловко распуская шнурки на её корсете.

– Да, я поклоняюсь Ему, и докажу тебе, что моя вера истинна, о Гасан Абдул Абдурахман Муамар Керим Саид Омар ибн Мухаммед!

– Как же ты докажешь мне это, о прекрасная женщина северных лесов? – хватка тирана ослабла от удивления.

– Я невинная девица, ещё не знавшая мужчины, поэтому не называй меня женщиной! – сухо напомнила Люсиль, хотя эпитет «прекрасная» заставил её слегка зардеться – Садись же и внемли! Я поведаю тебе Истину!

Падишах отпустил её и вольготно откинулся на подушки. Похоть в его взоре сменилась интересом к предстоящему рассказу.

Оставшись почти нагой – на ней остались только шляпка, нижние юбки, расшнурованный корсет, сорочка и чулки, девушка села на ковер и решительно закуталась в шелковое одеяло. Рассказ предстоял длинный, и от него зависело, сохранит она свою девичью честь, или нет.

– Знай, о Гасан Абдул Абдурахман Муамар Керим Саид Омар ибн Мухаммед, что история эта, если выткать её буквами, едва различимыми человеческим глазом, займет ковер, способный накрыть пол в этой зале! – воздев руки начала Люсиль...»

Графиня разрежала очередную пару страниц ножичком из слоновой кости и вздохнула. Всё было так интересно, и ведь одежды уже начал не как-нибудь, а сладострастно, совлекать, так нет! Заинтересовался, понимаешь, историей христианства! Пролистнув ещё несколько страниц, она поняла, что Люсиль добросовестно пересказывает этому... как его... Гасану Кериму ибн... О, как тяжело-то! ... Мухаммеду, г-м, все четыре евангелия. А также и деяния апостолов... Несмотря на вспыхнувшую в ней сладкую греховную страсть, ага! Разочарованно надув губы, заглянула в конец книги: так и есть: падишах раскаялся и отпустил на свободу всех христианских пленников, сам принял христианство и подданных крестил, загнав в реку, выпустил гарем и женился на Люсиль законным браком, обвенчавшись с ней в мечети, на которую янычары срочно водрузили крест... Фи, какая скука! Швырнула с досады дурацкий роман на пол. Но воображение уже разыгралось, дорисовывая совсем другие сцены между падишахом и Люсиль... Нет, Натали не была испорченной развратницей. Просто – здоровая женщина, несколько, г-м, неудовлетворенная в сексуальном смысле. Муж, конечно, хорошо... Но мало! Тем более, что бравый полковник пахал пашенку не чаще трех раз в неделю, и без особой выдумки. Хотелось чего-нибудь эдакого, остренького, пряного... И побольше! И – почаще! Насчет побольше... Вот у месье Карсака (не соврали бабы!) – даже больше, чем у эфиопа Герасима! Летом подсмотрела, когда он в пруду купался, г-м... А насчет остренького и пряного... В пансионе, четыре года назад, за большие деньги – все, что удалось скопить за целый год, восемьдесят целковых, Нино Цулукидзе, грузинская княжна, дала на ночь абсолютно запретную старинную книгу на индийском языке, но с картинками – Камасутру! Открыв первую страницу, чуть сознание не потеряла. От восторга. Целую ночь не спала, срисовывая в тайный дневник позы откровенно совокупающихся мужчин и женщин, иногда такие причудливые, что не сразу сообразишь, как и исполнять-то такое! Дневник потом носила под корсетом, благо маленькая книжица, расставаясь с ней только в бане. Не дай Бог, нашла бы классная дама, мадемуазель Уварова! Нино, кстати, вскоре выперли из пансиона со скандалом – книгу, все-таки, нашли при одном из обысков. Нашла, куда прятать, дурища – в подушку!

М-да... Искала потом Камасутру долго. Книготорговцам любые деньги сулила. И в Петербурге, и в Москве, и в Калуге. Не лично, конечно – Боже упаси! Через доверенных лиц. Нету!

Со времени выхода замуж удалось пока реализовать только три позы, которые попроще. Оставалось ещё девяносто восемь. А как их реализовать? Муж – сексуальный консерватор, ему лишь бы кончить, а на жену наплевать, что она там испытывает, удовольствие или наоборот... На эти-то три позы уговаривать пришлось... Вот месье Карсак... Француз, тонкое обращение с дамой понимает, сразу видно! Как он руку-то целует, аж мурашки по всему телу, и ноги подгибаются... Но бесполезно и мечтать. Он на роман и соответствующие отношения не пойдет: риск большой. Граф, если узнает, в порошок сотрет и свиньям скормит. Побойтся француз, тем более, что в имении девок красивых прорва... Девки... Деревенские... Погодите, погодите... Да! Точно! В голове Натали забрезжил план. Нет, она не будет флиртовать с Антуаном, подвергая его и себя риску, но обделает все так, что он ни о чем не догадается. И никто не догадается! Как говорится, голь на выдумку хитра! Весело вскочив с кушетки, графиня принялась приводить свой план в действие.

На ужин приехал сосед с семейством – князь Илларион Ипполитович Обнинский. Семейство было невелико: жена, три дочери на выданье и сын-наследник, восьми лет. Князь был ровесником хозяина: высок, статен, хорош собой. Одно слово – гвардеец. Княгиня, дама красивая и дородная, была блондинка.

– Вы нас не ждали, а мы приперлись! Хотели пораньше, понимаешь, да разве с моими бабами быстро соберешься! Как воры на ярмарку: то одно забудут, то другое, – извинялся князь, пожимая руку хозяину, пока семейство выгружалось у крыльца.

Дворня была срочно мобилизована: часть была отправлена на кухню, часть – устраивать спальни для гостей. В большой столовой зажгли парадную люстру в двести свечей. На кухне Ефросинья переводила дух, вытирая полотенцем вспотевшее лицо: объем работ был куда больше обычного, но справились, слава Богу!

Граф, надуваясь от гордости, представил Антуана:

– Вот, господа, мой гость, лейтенант драгун Наполеона Буонапарта! Отстал от армии, замерзал уже совсем, но был пленен моими разведчиками!

Князь завистливо засопел. Он о французском пленнике тоже мечтал, но не сподобился поймать ни одного, даже рядового, а тут, вообще, офицер!

Поцеловав (со щекотанием усами!) ручки княгине и княжнам, что привело их в совершенный восторг, Антуан пожал руку Обнинскому и княжичу Пете, смотревшему на него круглыми восхищенными глазами. Потом мужчины задействовали Никифора. Антуан выпил понравившийся ему калиновый аперитив. Завязался разговор. Княгиня, томно обмахиваясь веером из страусиных перьев, задала редкостный по оригинальности вопрос:

– Как Вам, сударь, нравится Россия?

– О, мадам, если учесть, что попал я в Вашу страну не по своей воле, то впечатления скорее очень сильные!

Все рассмеялись, оценив остроумие француза.

– Честно говоря – страна чудес! Куда там мифической стране Великого Хана! – продолжал он, – Нигде я не встречал таких благородных рыцарей, как русские солдаты, нигде не сталкивался с гостеприимством, равным русскому!

Александр Романович приосанился.

– Завтра поедем с господином лейтенантом в комендатуру, вставить на учет! Будет у меня гостить официально! – сообщил он громко, чтобы у князя не осталось сомнений.

Илларион Ипполитович, подумав, решил зайти с главных козырей и спросил Антуана:

– Любите ли Вы театр, месье Карсак?

– О, да! Обожаю!

– Часто ли посещали театры в Париже? – гнул свое Обнинский.

– Э-э... Пару раз в неделю, если не был занят по службе.

– О! Так Вы, несомненно, знаток!

– Ну... Не могу с уверенностью причислить себя к таковым... Но театр искренне люблю! Особенно – водевиль! И оперетту! – слегка растерявшись, отвечал Антуан.

– Вы знаете, сударь, театр – это моя страсть! Я даже свой построил у себя в имении, труппу создал, оркестр. Успех оглушительный! Скоро в столицу повезу, государя-императора надеюсь порадовать. Но я нуждаюсь в помощи знающего человека! Необходим постоянный консультант, знакомый с настоящим, парижским шиком. О, Париж! Веселье, остроумие! Какие пьесы! Какая музыка! Не согласились ли бы Вы помочь мне? Настоящего парижского знатока так трудно найти... А с комендатурой я бы договорился, жили бы у меня...

Антуан растерялся всерьез. У графа, сообразившего, куда клонит князь, шерсть встала на загривке дыбом, как у волка, у которого другой хищник пытается отобрать убитую овцу.

– Иллариоша! Это. Моя. Добыча!!! – негромко прорычал он по русски с улыбкой, сквозь которую проглядывали (фигурально выражаясь!) нешуточные клыки.

Они были дружны с детства, вместе учились, служили и воевали, но, тем не менее, есть вещи, которые не делят даже с близкими друзьями: бритву, трубку и жену не дам никому, как говорится. Престижный французский пленник тоже входил в эту категорию. Князь понял, что, если он будет настаивать, то дело может закончиться скверно.

– Полно, Саша! Я... пошутил! – ласково сказал он, кладя руку на плечо друга.

Граф расслабился. Поручик Ржевский тихонько хихикнул. Антуан, не понявший ни слова, но догадавшийся, что явился яблоком раздора, вежливо произнес:

– Ваше приглашение для меня большая честь, месье ле принц, но меня пленили люди графа, и я уже обязан ему спасением от смерти и оказанным гостеприимством. Я предпочел бы находиться на постое здесь. Но, я с удовольствием приеду к Вам при первой же возможности, и помогу, чем смогу!

Инцидент был исчерпан. Все сели за стол. Ужин начался.

Между первым и вторым блюдом Петя вдруг громко спросил:

– Месье Карсак, а Вы на войне только саблями солдат убивали?

Ребенок, что с него возьмешь! Старшая сестра дернула мальчика за сюртучок, но было уже поздно, слово не воробей: вылетит – не поймаешь!

Образовалась неловкая пауза.

Антуан прожевал и не спеша ответил:

– В вооружение драгун, молодой человек, входят, кроме сабли, пистолеты и карабин. В некоторых случаях – гранаты. Тогда эти солдаты называются конные гренадеры. Я ответил на Ваш вопрос?

– А пики? – снова спросил мальчик, не обращая внимания на щипки сестры.

– А пики есть вооружение улан. Легкая кавалерия.

Петя, наконец, обратил внимание, что и отец, и мать, и сестры делают ему знаки и страшные лица. Он замолчал, но выводы для себя сделал.

«Высекут, наверное!» – подумал княжич и тихонько вздохнул, жалея себя.

Ужин продолжался, неловкость была преодолена. Княжны во-всю флиртовали с поручиком Ржевским. Старшая, Лили, продвинулась дальше всех, похвалив его картину: пруд с темной водой, кувшинками и лебедями на фоне старинного замка. (Сюжет, необыкновенно популярный впоследствии. У меня такой коврик висел! Прим. Автора)

– Какая прелесть! Сколько экспрессии! Замок – как живой! Поручик, а Вы хотели бы быть лебедем? – щебетала она.

– Мерси, нон! Голой задницей в мокрую воду? – не подумав, быстро ответил поручик и покраснел, поняв что он сморозил. Столовая взорвалась хохотом.

– Серж! Это великолепно! Я сохраню это для потомков, вставлю Ваше выражение в одну из своих пьес! – веселился князь, вытирая слезы салфеткой.

Короче, ужин удался на славу!

Ты думаешь, Читатель, что князь с семейством после ужина поехал домой? А вот и нет! Всем нашлось место в просторном, гостеприимном доме Ржевских! После одиннадцати все уgomонились. Уснули князь и княгиня. Уснули княжны и княжич Петя. Уснул граф Ржевский. Поручик тоже отошел ко сну. Спал глубоким сном Антуан. Храпели слуги. Не спала только графиня Натали.

Выждав, пока часы не пробили час, она встала, накинула халат, и, босиком, выскользнула из спальни. Квартира Карсака была в другом крыле, но что такое несколько десятков аршин для молодой, горящей нетерпением женщины, хотя бы даже и в темноте? Вот и его дверь. С колотящимся сердцем она повернула ручку. Только бы не заперся изнутри на задвижку! Нет, открыто... Войдя в гостиную, сняла халат, положила так, чтобы было легко найти, уходя. Прокралась в спальню. Темнотища стояла кромешная, что было на руку. Прислушалась. Ровное дыхание Антуана донеслось до её слуха. Проведя рукой, определила, что лежит он на спине. Но, как приступить к делу? Графиня замешкалась. Если просто разбудить, ещё вскрикнет, пожалуй... Тут, весьма кстати, ей вспомнился рассказ Мими Юсуповой о том, как она забавлялась со своим поклонником, молодым князем Жоржем Голицыным.

– Понимаете, Натали, я уже была просватана за Николая Вишневого, и необходимо было сохранить, г-м, девственность. Но Жорж – он такой изобретательный! В спальне раздел меня догола...

– Как? Совсем?! И даже рубашку снял?!

– Совсем-совсем! – счастливо хихикнула Мими, – Как в бане! Да, и мы легли в позицию, которую он назвал шестьдесят девять! Ну, и... Чудо-чудное! Диво-дивное! Ощущения непередаваемые! Я с тех пор ничего подобного не испытывала, даже в браке! Кстати, после месяца таких отношений у меня прошли прыщи! Вауля! Рекомендую!

Теперь графиня знала, что делать. Осторожно откинула она одеяло, опустилась на колени...

Антуан спал и видел сон. Он снова был в родном Париже, на Рю де Лион, в кабачке дядюшки Туссена. В дверях показалась Мари – племянница хозяина. Она подмигивает Антуану, показывает глазами на лестницу, ведущую в комнаты для постояльцев. Мари некрасива, но... в глазах её усматривается что-то такое, и Антуан идет за ней. За дверью она обнимает его, прижимается всем телом. Он чувствует, как девушка вся дрожит. Чтобы успокоить, целует её в губы. Мари что-то делает со своей одеждой, выгибается навстречу. Внезапно Антуан осознает, что он уже в ней, и это невыразимо приятно. Мари плавно, ритмично движется навстречу его напору, принимая его все глубже...

Сон растаял, но приятное, сладкое ощущение не проходило! Напротив, теперь он отчетливо чувствовал, что его *petite ami* (маленький друг, франц.) находится в плену! Его пытаются самыми изощренными ласками и ставят на нем, живом, фантастические опыты, граничащие с садизмом, заставляя отдать накопленное богатство. То проводят по нему чем-то нежным и влажным, то втягивают глубоко во влажную упругую жаркую бездну, далеко за острый часток. Он напряжен, тверд до звона, и уже вот-вот не выдержит. Однако...

– Мишель! Перестань сейчас же! Ты что, с ума, что ли, сошёл? – яростным шепотом попытался прекратить это безобразие Антуан и дернулся, чтобы освободиться.

Гомосексуалистом он не был, и явление это, достаточно широко распространенное в узких кругах, не одобрял.

Мягкая, отнюдь не мужская рука легла ему на губы.

– Ш-ш! Секрет! – раздался явно женский шепот.

Антуан замер, растерявшись. Тем временем, таинственная незнакомка подвела его к финалу. Ничего удивительного, ибо на воздержании наш бравый драгун был довольно давно, с самой Москвы. Порох воспламенился, пушка содрогнулась от распирающего её давления и...

Графиня ликовала. Всё шло именно так, как ей и хотелось. Проснулся, подумал на слугу, глупенький! Однако, стоило шикнуть – сразу замер! Значит, нравится ему! Сама она никогда не испытывала большего наслаждения. Все внутри таяло от нежности, в низу живота разливалось приятное тепло, волны оглушающего прибоя чистейшего удовольствия захлестывали сознание. Сладкие спазмы уже не раз и не два сотрясли тело, бабьи соки выплеснулись наружу. Вся внутренняя поверхность бедер была мокренька!

Сейчас... ещё немного... Вот оно, Счастье!

Переведя дух, графиня крепко прижалась к мускулистому телу, коснулась усов слегка саднящими с непривычки губами. Руки её обвивали шею Антуана. Он тоже обнял её, и его руки жадно исследовали спину, крепкие ягодицы, шею. Затем одна рука задержалась на груди. Соски моментально набухли весенними почками...

Антуан осторожно гладил приникшее к нему тело. Рубашка холщовая, грубая. От незнакомки пахло дымом и молоком, немножко хлевом. Такие, значит, деревенские, запахи. Грудь под рукой была крепкая, круглая, как яблоко. Узкая талия расширялась к ягодицам, идеально круглым и тугим. Но, однако, господа, кто это? Попытался спросить, но незнакомка явно

не знала французского, только засмеялась тихонько... Однако, настало время пахать вторую борозду! Она тоже это почувствовала, несомненно...

Натали ощутила, что... Как это будет по русски? Няня недавно говорила... О! Каркалыга! Безусловно, каркалыга снова в боевой готовности! Не дать ему опомниться! Снова захватить инициативу и применить позу номер четыре!

Антуан почувствовал, что его берут в сложный захват ногами. Ого! Раньше он такого не испытывал... Ну, что ж, не дрогнем! Драгуны не отступают перед трудностями!

Спустя час, взопрев от усилий в хитросплетениях изошренной партнерши, он задремал, и пропустил момент, когда незнакомка покинула его. Что ж, кто бы она ни была, впечатление было незабываемое! Жаль только, лица не удалось разглядеть!

Во сне приснилась Арина, улыбаясь, покачала головой.

Натали добралась до своей спальни, скинула рубаху, одела батистовую ночнушку. Душа её пела. Всё получилось! И новую позу освоила, и... Она мечтательно облизнула припухшие губы. Ой, как это было здорово! А в Камасутре-то, такого нет! Аккуратно сложила рубаху. Ни за что не догадается, что это была она! Лица не видел, а пахла она как настоящая крестьянка: недаром рубаху коптила у печки, умывалась молоком. И немножко коровьего навоза, совсем капельку, на подол.

Глава пятая

Проснувшись утром, и решив никому ничего не рассказывать о своем приключении, Антуан заявил вошедшему с бритвенным прибором Мише:

– С сегодняшнего дня я начинаю учить русский! Давай, брей быстрее, и начнем, не мешкая!

– Что ж, сударь, дело хорошее! – весело отозвался брадобрей, он же камердинер, а теперь ещё и учитель.

До завтрака, впрочем, удалось выучить всего три слова: хочу, хорошо, ещё.

За завтраком зашел разговор о научно-техническом прогрессе.

– Наступает век пара и электричества! – вещал Илларион Ипполитович, – Предвижу, что скоро движимые паром суда вытеснят парусники! Паровая машина будет двигать токарные, ткацкие станки, паровые молоты, лесопилки! Леонардо Да Винчи спроектировал паровую пушку огромной мощности!

– Да, изменится жизнь. Паровые машины будут двигать безлошадные повозки, – поддержал князя поручик Ржевский, – Я читал, англичанин Ричард Тревитик ещё в 1801 году построил паровую карету, на которой по городу разъезжал.

– Ну, это мы тоже читали! Англичане собираются железную дорогу строить, во! Представляете, паровая машина на колесах сможет тянуть три, а то и четыре ломовых подводы с грузом! Лошади станут не нужны! – поддержал беседу граф, наворачивая рисовую кашу.

Тема была благодатная, развивать её можно было долго. Научно-технический прогресс интересовал всех. Но Антуану было жалко лошадей, которым не было места в будущем лязгающих и дымящих машин.

– Электрический телеграф создадут! – поведал поручик, намазывая тост мармеладом.

– Как это, Серж? – удивилась княжна Лили.

– А так! Слова можно будет по проводам передавать, буквами! Опыты уже давно ведутся. Представляете, у вас дома в будуаре стоит этакий аппаратус, – он показал растопыренными руками нечто большое и округлое, – Захотели Вы, допустим, поговорить с кем-то из подруг в Петербурге. Пишете письмо, и передаете его по проводам посредством электрической силы, букву за буквой. И, вуаля! Вам сразу приходит ответ!

Лили впечатлилась. Впрочем, все остальные тоже. Ещё бы! Письма тогда долго шли до адресата. Несколько дней.

– А хорошо бы было говорить при помощи электричества, тоже по проводам! – мечтательно протянула княгиня и вздохнула.

Очень уж она любила поговорить с подругами.

Супруг снисходительно усмехнулся:

– Ну, милая моя, это уже фантазии из области чудес!

Все согласились, что сие невозможно. Наука, к сожалению, имеет свои ограничения, увы! Как живое слово по проводам пустишь?

После завтрака засобирались: князь с семейством домой, Ржевские и Антуан – в Боровск. Граф, поручик и Антуан погрузились в сани, запряженные тройкой рысаков, подобранных в масть друг другу. Слуги, четверо, сели в другие сани, также запряженные тройкой. На облупок сел Герасим в папахе и армяке, подпоясанным красным кушаком. Седоки укрылись огромной медвежьей шкурой. Мороз был небольшой, день – солнечный.

– Ну, с Богом! Трогай, Герасим! – истово перекрестился Александр Романович.

Не спеша выехали на укатанную дорогу. Тут Герасим показал класс: почти не шевеля вожжами, одними окриками разогнал тройку до скорости двадцати верст в час! Серебряный, искрящийся алмазами лес летел навстречу. Пахло морозом, дымком и чем-то ещё, не определяемым, но очень приятным.

– Отличные у Вас кони, месье ле конт! – восторженно воскликнул Антуан.

– Да, дерьма не держим! – слегка самодовольно отозвался Ржевский, – Сам пытаюсь разводить. Но эти – покупные. По две тысячи целковых плачено. Коренник, Громобой, у меня производитель. Редко его запрягаем, но иногда промяться надо, чтоб не разжирел.

– Что Вы, он в отличной форме! Кстати, я решил учить русский язык. Как будет по русски «лошадь»?

Братья с энтузиазмом принялись за преподавание русского языка, поэтому семнадцать верст пролетели незаметно. За сорок минут добрались. Боровск показался неожиданно из-за поворота дороги. Герасим сбавил ход, и через несколько минут обе тройки остановились на центральной площади.

– Озябли, месье Карсак? – весело спросил граф, – Тогда выпейте сбитню, рекомендую! Эй, любезный! – окликнул он мужичка с большим самоваром на санках.

Тот проворно подкатил к господам и налил три кружки ароматного, пахнущего имбирем и гвоздикой, горячего медового напитка. Антуан выпил с удовольствием. Вкусно до чрезвычайности! И согревает моментально!

Военная комендатура оказалась тут же, на площади. Около крыльца ждала небольшая очередь. Французов в ней не было.

– Ну, вы тут бумажными делами занимайтесь, а я схожу... тут, неподалёку, – заявил поручик.

– В трактире встретимся! – бросил ему брат-полковник.

Подойдя к крыльцу комендатуры, он важно сказал дежурному вахмистру:

– Доложи-ка, братец, что прибыл полковник граф Ржевский и с ним пленный французский драгунский лейтенант!

– Так точно, Ваше Сиятельство! – откозырял вахмистр и скрылся за дверью.

Через минуту на крыльце появился майор-артиллерист с тростью.

– Александр Романыч! Дорогой! – завопил он, хромя с крыльца, – Вот радость-то!

– Федя! Ты? – обрадовался Ржевский, обнимая и троекратно лобзя коменданта, – Ранен?

– Да, ещё под Бородино. Сейчас поправился, так, поскольку к строю временно не годен, назначили служить сюда, комендантом. Что за нужда? Никак, с пленным пожаловал?

– Да, мои разведчики нашли. С дороги сбился, замерзал уже. Лейтенант пятого драгунского полка Антуан Карсак, рекомендую.

– Граф Федор Матвеевич Апраксин, волею командования здешний военный комендант, – наклонил голову майор и щелкнул каблуками, – Проходите в присутствие, господа, не на улице же беседовать!

В жарко натопленном кабинете он быстро допросил Антуана: фамилия, имя, чин, род войск, дислокация полка, обстоятельства пленения и т. д. и т. п. Двое писцов записывали вопросы и ответы.

– Как получилось, сударь, что Вы отстали от полка?

– Я был послан с донесением к генералу N и на обратном пути попал в метель. К тому же, отступали мы в беспорядке. Даже в хорошую погоду не сразу нашел бы своих, – ответил Антуан, глядя честными глазами в лицо контрразведчика-коменданта.

– Даете ли Вы честное слово дворянина и офицера, что не попытаетесь бежать? Если нет, то, г-м, придется Вас, сударь, того... В тюрьму!

– Да. Я даю честное слово, – с достоинством ответил Антуан.

Куда бежать-то? До границы далеко... Все равно поймают. Уж лучше с комфортом у графа до конца войны пересидеть несколько месяцев. Тем более, что необходимо сохранить тайну клада...

На этом допрос и закончился. Ржевский подписал обязательство принять пленного на постой. Антуану был выписан аттестат на получение ежемесячного денежного довольствия – пятнадцать рублей. Неплохие деньги, учитывая, что, например, учитель получал в месяц 22 – 25 рублей!

– А теперь, господа, прошу покорнейше ко мне отобедать! И не возражай, Александр Романыч! Отказа не приму! В кои-то веки встретились... Молодцы мои тут сами справятся, не маленькие. Пойдемте, у меня квартира тут, за углом! – шумел Апраксин, натягивая шинель.

– Мы с Федором вместе всю прошлую кампанию прошли. Лихой офицер! Его батарея за лучшую скорострельность однажды была пожалована ведром водки самим генералиссимусом, графом Суворовым-Рымникским! А Федю анненской шпагой наградили, вот! – пояснил Антуану его, теперь уже официальный, хозяин,

Слугам было выдано денег и велено дожидаться в трактире, что было воспринято с энтузиазмом.

– Смотрите, не напивайтесь там! Выпорю! – посулил граф Ржевский, строго сдвинув брови.

– Не извольте сумлеваться, барин! Мы свою плепорцию знаем! – хором ответили мужики.

– Знать-то вы знаете, разгильдяи, да кто ж столько выпить-то может? – проворчал барин, впрочем, добродушно.

Господа пошли пешком, благо было рядом. По дороге Антуан с любопытством вертел головой: деревянные дома, одно-двухэтажные, на каменных фундаментах. Церкви с золочеными куполами. Базар с множеством горожан. На Париж совсем не похоже, г-м.

Апраксин занимал скромный дом в четыре комнаты.

– Поскольку военное время, живу по спартански. Денщик, кухарка – и всё! Но кухарка хорошая, маменька из своего имения прислала в подарок! Итальянскую кухню знает! Такую лазанью готовит – пальчики оближешь! Сюда проходите, проходите, господа! – возбужденно приговаривал военком.

– Как здоровье Анастасии Георгиевны? Они все в подмосковном имении живут? – вежливо поинтересовался Ржевский.

– Да, в Востряково, на юго-западе от первопрестольной... А здоровье хорошее, даром, что скоро семьдесят пять.

Расположившись в столовой приняли по рюмке под селедочку и сало. Антуану это кушанье было внове: свиной, в общем, жир, но вкусно! Лучше британского бэкона.

– Деликатесов у меня нет, извиняюсь. Щи да каша... – развел руками майор.

– ... Пища наша! – договорил за него полковник и рассмеялся.

Кухарка внесла щи. Все трое стали с аппетитом хлебать из глубоких мисок.

– Люблю щец покислей! – покрутил головой Ржевский.

– И чтоб у девки потесней! – засмеялся Апраксин.

Антуан вздохнул. Опять русский юмор прошел мимо него! Нет, надо срочно учить язык!

Пока ждали второе блюдо, разговорились о последних новостях.

– Буонапарт уже в Смоленске, от армии всего тысяч пятьдесят осталось боеспособных солдат, из них кавалерии – не более пяти тысяч, – рассказывал Апраксин.

Сердце Антуана сжалось. Император, которого они боготворили, терпел поражение! И не от противника – от русской зимы, будь она неладна! Но дайте срок! Он соберет новую армию, ещё сильнее прежней, и вернется триумфатором! Непобедимый и легендарный! Вся Европа склонилась перед ним, покорится и Россия! И скромный драгунский лейтенант Карсак

проведет его к месту, где зарыты сокровища! А император положит руку ему на плечо и скажет...

– Месье Карсак! Вы меня слышите?

Антуан очнулся от своих грез.

– О, простите, господин комендант! Задумался. Что Вы сказали?

– Я спросил, какая норма дневного перехода для кавалерии во французской армии.

– Сколько необходимо, столько и проходим! – гордо ответил Антуан, – Хоть тридцать лье! Ржевский и Апраксин переглянулись. Гонор! Бодрится лейтенант, преувеличивает, хотя дела и кислые. Ну, да Бог с ним!

– Федя, ты мне газет прикажи собрать, ладно?

– Конечно, Алекс! Все, что есть отдам! – воодушевился Федор Мавеевич, довольный, что может оказать малую услугу боевому товарищу, – Ну, давайте выпьем за... (тут он хотел сказать «за победу русского оружия», но не пожелал лишний раз ранить самолюбие пленного!) близкий конец войны!

Антуан угрюмо проглотил водку. Да-а, когда-то ещё он попадет домой!

Кухарка внесла барашка с гречневой кашей и луком. Вскоре от него остались рожки да ножки.

– Славно, славно! – похвалил кушанье Александр Романович, отдуваясь и вытирая вспотевшее лицо платком.

– Говорил я тебе: кухарка – первый сорт! – довольно засмеялся хозяин, – Сейчас ещё и лазанью принесет!

– О! Не дрогнем! – подмигнул гость, – Как в народе говорится: ешь – потей, работай – мёрзни!

Съели и волшебной пахнущую лазанью, принесенную на огромном блюде.

«Русские едят так много жирной пищи... Потому им и мороз нипочём!» – подумал раздумившийся, как удав, Антуан.

Десерт был скромный: моченые яблоки и клюквенный кисель. После обеда полковник достал портсигар и все закурили, запивая ароматный сигарный дым кофеем.

– Отличный кофий, Федя! – похвалил Ржевский.

– Да, обжарка хорошая. Может, сливок желаете в кофий, месье Карсак?

– Э-э... Нет, пожалуй. Я придерживаюсь итальянской доктрины, согласно которой кофий должен быть подобен поцелую прекрасной дамы, сиречь: крепкий, сладкий, горячий. Сливки отбивают, увы, весь вкус этого напитка. А вот с шоколадом сливки сочетаются отлично.

Русские слушали с интересом.

– А какие ещё доктрины Вы знаете, сударь? Насчет, значит, кофию? – подался вперед Апраксин.

– Арабская доктрина утверждает: с солью. В Турции пьют с кардамоном и гвоздикой. Я пробовал – ни тот, ни другой мне не понравились.

Поговорили ещё о всяких пустяках. Затем Александр Романович посмотрел на часы и нахмурился.

– Однако, скоро домой ехать! Братец, наверное, уже нас ждет.

Не успел он вымолвить это, как на улице послышался звон колокола пожарной команды, проскакавшей мимо.

– Епишка! Где горит? – гаркнул комендант, растворив дверь.

Вбежал денщик.

– Так что, Ваш-сиясь, горит, извиняюсь, заведение купчихи третьей гильдии Парамоновой, бардак, то-есть! Девки в одних панталонах на снег повыскакивали!

– Ну!? И сильно горит?

– Никак нет, больше дыму. Сичас потушат!

Все вышли на улицу. Из соседнего переулочка, действительно, шел густой дым. Мужики с баграми и ведрами, матерясь бежали на помощь пожарным. Кого-то несли на одеяле.

– Мать честная! – вскрикнул Ржевский, приглядевшись, – Это же братец! Угораздило его, эка!

Поручик Ржевский был невредим, но в невменяемом состоянии, то-есть пьян. И голый.

– На первом этаже загорелось, Ваш-сиясь, – докладывал старшина пожарников, – Огонь, дымина! Все суетятся, кричат: воды, воды! А Ваш братец вышли к перилам на втором этаже в чем мать родила и, громовым голосом: а в седьмой номер ещё дюжину шам-панс-кава! Мы, значит, туды, а они уже спят. Промеж Зинки и Клавки. И три ящика шампанского пустые. Гусары, им все нипочем! Барышни господина поручика отдавать не хотели: желаем, говорят, дальше праздник праздновать! А пожар, дескать, тьфу!

– Растроганный полковник сунул старшине полуимперал:

– Спасибо, любезный, за брата. Вот, возьми, угости команду!

– Премного благодарны, ваш-сиясь! Мы, это, завсегда... Стихия! – бормотал старшина кланяясь, но его уже никто не слушал.

Денщик проворно сбегал в трактир и Герасим подогнал сани, куда погрузили завернутого в одеяло поручика и сумку с газетами.

– До свиданья, Федя! Спасибо за всё! – обнял Апраксина граф.

– До свиданья, Алекс! До свиданья, месье Карсак! Если что, обращайтесь, поможем обязательно!

– Всего хорошего, месье военный комендант! Да, а когда письмо можно будет отправить?

– Увы, сударь! Только после заключения мира!

И тройка помчала их обратно в Тимашово. Поручик лежал колодой под медвежьей шкурой, мычал что-то, пытаясь петь.

– Бывает с ним такое, – деловито объяснил Антуану старший брат, – Запой называется, чисто русское, знаете ли, явление. Дня три будет пить, потом протрезвится, опохмелится пивком, в баню сходит – и опять хороший, хоть икону с него пиши!

– Н-не надо... ик! ...кону... Грешен есьмь! Студными бо окалях душу грехми... Очиститься желаю! – воззвал из-под шкуры поручик Ржевский.

– Герасим! Останови-ка! – скомандовал, весело улыбаясь полковник, переваливая верхнюю часть туловища пьяного через борт саней, – Очищайся, Серж!

– Ы-ы-рк! – блеванул в снег поручик и снова отключился с блаженной улыбкой на лице.

Антуан попытался представить, сколько нужно было выпить, чтобы достичь этакой нирваны, но не смог.

Всю дорогу Антуан думал. Мыслей было много. В первую очередь надо было вычислить ночную незнакомку. В графском доме было много женщин: четыре горничных, у графини девушка для услуг и няня, плюс три девушки на кухне в помощь Ефросинье, Фекла-ключница, две уборщицы. Ещё с дюжину, живших не в доме, но в дом вхожих в любое время: песенницы, вышивальщицы, доярки, птичницы. Непростое уравнение с одной неизвестной! Няню, Феклу, Ефросинью можно не брать в расчет. Хотя... Фекла очень даже ничего! Красивая женщина, статная. Но старовата для того, чтобы быть незнакомкой: ей лет тридцать шесть – тридцать восемь...

Глава шестая

Домой приехали к ужину.

Поручика унесли в его покои. В прихожей графа и Антуана встретила Наталья Сергеевна, в персиковом шелковом платье, бриллиантовых серьгах и благоухающая дорогими духами.

– Вижу, успешно съездили! Братец-то, с друзьями повидался? – весело подначила она мужа.

– Да, душенька, все в порядке. Он теперь утомился и ужинать не будет... Тебе привет от Феди Апраксина, помнишь, был у нас на свадьбе? Он тебе ещё шкатулку стальную, под алмаз граненую, подарил?

– О! Вы его встретили? Но, разве он не воюет?

– Вообрази, милая, служит военным комендантом у нас в уезде! Ранен был под Бородино, теперь поправляется. Вот, газет свежих пожертвовал!

Разговаривая, они прошли в столовую.

– Я думаю, Алекс, надо послать ему посылочку. Лимонов там, мандаринов, ананасов, бобов кофейных... Для поправки!

– Завтра же пошлем, Натали!

После ужина, который без поручика Ржевского прошел скучновато, Антуан направился к себе. Два часа позанимался русским языком с Мишей. Ничего, способности есть! Скоро он русский одолеет!

Устав – день был длинный – залег в постель с книгой. Пламя свечи слегка колебалось, отбрасывая тени на страницы. Чтение не лезло в голову, и устав бороться, Антуан уснул.

Арина приснилась снова, на этот раз в виде ангела.

Александр Романович, в халате с кистями, вошел в спальню графини. Она, уже в ночной рубашке и папильотках, пила приготовленный няней декокт.

– Не желаете ли чаю, граф? – слегка насмешливый, дразнящий взгляд жены разжег в вопрошаемом готовность к исполнению супружеского долга.

– Отнюдь! – ответил граф, сбрасывая халат и демонстрируя свои серьезные, готовые к действию... э-э... намерения недвусмысленным образом.

С развернутым знаменем он ринулся на штурм сами знаете, чего.

Кровать заскрипела в ритме кавалерийской атаки. Без подготовки, всяких там нежностей и поцелуйчиков. Ну, военный человек!

«Конечно, Алекс хорош, силен... В своем роде!» – думала Натали, рассеянно обнимая мужа и глядя в потолок, где гипсовый купидончик лукаво целился в них стрелой, – «Но, ведь изобретательности никакой! И не хочет, главное, ничего менять! Предложить, разве, самой?»

– Алекс, милый...

– Что, дорогая? – пропыхтел бравый полковник гвардии в отставке, предвкушавший скорый финал.

– Ой, давайте по другому... Я хочу сзади!

– Раком, что ли?

«Фи, как он неделикатен! Мужлан!»

– Да! Да!

– Извольте тогда встать в оную позу, о повелительница моего сердца и звезда моих очей...

«Ну, вот, другое же дело! Прощу, пожалуй... О! О! О-о-о!»

Издав рык, едва не загасивший свечу, граф упал на кровать. Супруга перевела дух. Сегодня она поставит мужу высший балл! Полежала немного, успокаиваясь. Ой! Он уже уснул!

Ай-яй-яй! И что прикажете делать теперь? Не будить же! Обычно исполнит супружеский долг – и уходит, зная, что жена храпа не выносит. А как же визит незнакомки к месье Карсаку? И выпил муженек за ужином мало... Вдруг проснется, а её рядом нет? Осторожно потрясла благоверного за плечо. Тот, что-то промышав, повернулся спиной и засвистел носом. Ладно, хоть не храпит... Подумав, решила рискнуть: авось, не проснется! А ежели проснется – сойдем что-нибудь!

Встала, стянула через голову ночнушку. Несколько мгновений полюбовалась собой в трельяже, потянулась, чтобы грудь приподнялась: эх, заказать бы скульптурный портрет! Или картину... Нет, граф – человек старомодных воззрений, ни за что не согласится, хотя портреты в стиле Нью уже давно в моде.

Намочив тряпицу в молоке, тщательно протерла все тело, особенно горло, грудь и за ушами: там, где духами смазывала. Подумав, слегка коснулась кожи чесноком. Одела холщовую рубаху, освеженную сегодня дымом и навозом, повязалась платком. Надела халат и была такова.

Вот и дверь месье Карсака. Странно: у него свет! Прислушалась: тихо... Но, нельзя же при свете... Хочется ужасно! А если нельзя, но очень хочется, то можно!

Дверь отворилась без скрипа. На цыпочках графиня прокралась в спальню. Так и есть, забыл свечу погасить! Надо задуть... В этот момент в коридоре слышались шаги, ручка двери повернулась. Не раздумывая, метнулась к шкафу. Открыв тяжелые дверцы, юркнула внутрь и затаилась. Босые ноги прошептали через гостиную в спальню.

– Месье Карсак! Вы спите? – раздался приглушенный вопрос Миши.

Ответа не было. Совсем уже близко раздалось ворчание слуги:

– Точно, спит! И свечку не погасил! Далеко ли до пожара?

Ф-ф-у-ух! Свет погас, но в следующий момент раздался радостный вскрик Антуана:

– Ага! Я тебя держу!

И, затем, по русски:

– Прелесть моя! Хочу! Весьма!

«Когда научился-то?» – изумилась Натали.

Несколько странно звучащий, грудной голос Миши:

– Как Вам будет угодно, сударь! Погодите, портки сниму...

– Merde! Мишель, это ты?

– Я, сударь... У Вас свеча горела, ну, я и зашел задуть. Но, ежели не вмоготу, то постараюсь соответствовать. Только, лучше б Вы бабу себе нашли...

Графиня, вся содрогааясь от беззвучного хохота, заткнула себе рот подвернувшимися под руку подштанниками.

– О! Пардон, Мишель! Я... Мне... это... сон приснился... Точно, бабу надо!

– Значит, меня употреблять не будете? – с некоторым, как показалось Натали, разочарованием спросил Миша.

– Н-нет! – в ответе Антуана проскользнула еле заметная пауза.

«Замаялся, французик! Засомневался! Конечно, лучше Мишка сейчас, чем незнакомка позже, к тому же, неизвестно: придет, аль нет!» – веселилась Натали.

– Спокойной ночи, сударь! – конфузливо попрощался Миша и вышел.

Графиня задыхалась, думая, что сейчас лопнет пополам от сдерживаемого смеха. Антуан, поворочавшись немного, похоже, уснул снова. Выждав минут десять и успокоившись, хозяйка дома выскользнула из шкафа.

Подкравшись к кровати, она повторила свой вчерашний маневр. Антуан проснулся и, страстно рыча, заключил её в объятия. Снова от незнакомки пахло дымом, молоком и хлебом. Потягивало ещё чесноком...

Графиня, не мешкая, подвигла его на позу номер пять. Для этого пришлось растопыриваться в сложную растяжку, как в балете. Было обалденно приятно, но, с непривычки, тяжело. Тем не менее, и Натали, и Антуан испытали чувство глубокого удовлетворения, причем графиня – неоднократно.

– Ты кто? – прошептал он по русски, когда они, оба мокрые от пота, повалились на возбужденную постель.

– Не скажу! Секрет! – шепнула она в ответ, пряча лицо у него на груди.

Он не понял, но это явно не было именем. Ничего, он выучит русский только за то, что им разговаривает незнакомка!

Натали улыбалась в темноте. Так ему и скажи, кто она такая! Надо, вообще-то, придумать псевдоним... Что-нибудь такое... Эдакое... Нежное и страстное! Однако, уснул, любовничек! Пора и восвояси. Тенью невесомой покинула спальню. Прокралась в свою. Муж спал, испуская рулады храпа. Быстро переоделась в ночнушку, спрятала рубаху, напоследок понюхав. Отличная маскировка! Свернувшись калачиком, уснула. Последней мыслью было: посмотреть завтра в дневнике, как выглядит поза номер шесть!

Утром Антуан проснулся оттого, что солнце ломилось в окно, беря приступом помещение сквозь раздвинутые занавески.

«Надо же, завтрак проспал!» – удивился Антуан, вскакивая.

Умывшись, позвонил Мише. Тот явился незамедлительно.

– Доброе утро, сударь! Проспать изволили? – улыбнулся он, раскладывая бритвенные принадлежности.

– Да уж! Никогда со мной раньше такого не было! А есть как хочется!

– Без проблем, сударь! Сейчас вот, побрею Вас... Сюда завтрак принести, или в столовую спуститесь?

– Сюда. Что я там, один в столовой...

Побрившись и отзавтракав, пошел извиниться перед хозяевами. На лестнице встретил Арину. Увидев его, девушка покраснела и опустила голову.

«Неужели она?» – обрадовался Антуан.

Потянул носом, когда она проходила мимо, задев его крепким бедром. Нет, не та! Запах был другой: пахло чистым, выглаженным бельем, мылом, сладким девичьим потом (совсем чуть-чуть!), какой-то пряной травкой. Такой, значит, букет. Будоражащий воображение, да! Пришла мысль обнюхать всех женщин в доме. Фыркнул, рассмеялся про себя.

В гостиной встретил графиню, поцеловал душистую ручку.

– Мадам! Я, простите, проспал сегодня. Не знаю, что случилось... Возможно, я впадаю в зимнюю спячку, как ваши русские медведи!

– Месье Каксак, Вы прощены! Пусяки, со всяким может быть. Алекс, вот тоже... Насилу добудилась утром!

– Г-м, да! Воздух, наверное, повлиял... Вчера передышали... А где господин граф?

– В оранжерее, посылку собирает для Апраксина.

Наталя Сергеевна пристально посмотрела на француза. Нет, ни о чем не догадывается!

– Завтра воскресенье, месье Карсак. В церкви будет служба.

– Но, я же католик, мадам! Разве мне можно в Вашу церковь?

– В церковь можно всем! Вам будет интересно. У нас отличный священник, отец Леонид. Говорит по французски! А без Слова Божия Вам тяжело!

– Тогда, конечно, приду на мессу!

Графа он нашел в оранжерее. Тот наблюдал, как работники срывали и укладывали в корзины мандарины и лимоны. Ананасы уже были упакованы.

Поздоровались за руку.

– Вот, отправлю Феде. Фрукты, значит, ну, и водочки, наливочки! Бобов, опять же, кофейных.

– О, граф, разве кофий у Вас тоже свой?

– Свой, месье Карсак! Десять кустов!

Прогулялись вместе. Антуан посмотрел на ягоды. Надо же! Свой кофий!

– А как здоровье братца?

– Мучается. Угрызениями совести мучается. Начудил вчера!

– Пойду навещу его, пожалуй!

Поручик Ржевский сидел у себя и мрачно пил водку. Привязанного за ногу ниткой таракана он пускал по столу, наливал рюмку и провозглашал:

– Выпьем за отъезд!

Затем подтягивал насекомое обратно, снова наливал:

– Выпьем за приезд!

Закусывал он чисто символически, черным хлебом с солью. Бутылка была уже опорожнена наполовину, даром, что было только одиннадцать часов.

– А, месье Карсак! Бонжур! Проходите, не стесняйтесь, посидите со мной! – радостно, хотя и несколько развязно, приветствовал он гостя, – Давайте выпьем. Иван! Вторую рюмку!

– Э-э... Для меня рановато... – замялся Антуан, – Может быть, пива?

– Ер-рунда! С утра не выпьешь – весь день насмарку! – выдав сей изящный силлогизм, поручик налил две рюмки и выжидательно воззрился на француза.

Антуан осторожно пригубил, чтоб не обидеть человека.

Опрокинув свою рюмку, как показалось французу, прямо в желудок, Ржевский занюхал корочкой и погрозил пальцем:

– Я все з-знаю!

– Что же Вы знаете, месье Ржевский? – заинтересовался Антуан.

– Знаю, почему про меня всякие гадости рассказывают... Я перед войной у князя Волконского на обеде по рассеянности рыбу ножом... пырнул... Ну, пьяный был! Так княгиня увидела и сказала: Фи! И с тех пор стали про меня глупости всякие рассказывать, небылицы... Пропало мое доброе имя! – поручик заплакал, высморкался в скатерть.

Решив развлечь его, Антуан спросил:

– Как Вы относитесь к гомосексуализму, поручик?

– Я-я? Я... не отношусь! – выпучил глаза Ржевский и, перестав плакать, с интересом уставился на собеседника.

Тот рассказал про ночное происшествие с Мишелем, как принял его за женщину.

Поручик посмеялся, задумался, затем налил рюмку. Посмотрел на свет:

– Все симптомы налицо, как сказал уездный патологоанатом, увидев мертвого мужика с проломленным лбом! Вы, сударь, страдаете от чрезмерно затянувшегося... э-э... безбрачия! Я Вам прописываю бабу! В больших дозах – помогает!

– Мерси, конечно, но как? Они же все крепостные!

– А Вы что, расист? Ну, крепостные! Но, ведь, хорошие!

– А хозяин? Вдруг он будет возражать?

– Не-е, Алекс возражать не будет! Это дело полюбовное. Так и имейте в виду! Вы мужчина симпатичный, за кем-нибудь поухаживайте, все и получится. Только не за замужними! Можно оглоблей схлопотать, от мужьев, то-есть.

– Так, значит, свобода воли у них?

Поручик не ответил, так как был занят заглатыванием водки. Закусив, раздумчиво произнес:

– Свобода во-оли... Да, бабы – они такие! Свободные и волевые! Если чего возжелают – ни перед чем не остановятся.

Он оживился:

– А, кстати, о бабах! В Петербурге два года назад случай был. К Мари Воронцовой на ночь глядя заехали две её подруги: Биби Горчакова и Жюли Верещагина. Ну, выпили, и до утра щебетали в будуаре о своем, о девичьем. А поутру из шкафа выпала бесчувственная тушка Сашки Мещерского, кавалергарда, спрятавшегося, чтобы подглядеть, как хозяйка переодеваться будет! После рассказывал: мол, такого стыдобища наслушался, что едва не помер! Скандал!

Антуан впечатлился. Действительно, страшная смерть!

– Так, Вы сейчас в студию пойдете, Серж? Я бы Вас проводил! – предложил он, надеясь таким образом отвлечь поручика Ржевского от пьянства.

– Нет, месье Карсак, не сегодня. Отдыхаю я.

Поручик налил ещё одну рюмку, поставил её на стол, подпер голову руками. Взгляд его затуманился:

– М-медитировать буду!

Остаток дня Антуан частью провел в размышлениях о таинственной незнакомке, частью – изучая русский язык. И то, и другое дело двигалось туго. Миша учителем оказался слабеньким. Нужна была система, учебник, наконец. Словарь тоже не помешал бы. Что же касалось незнакомки... Вечером Антуан сел за стол и положил перед собой лист бумаги. Что о ночной даме известно?

– Рост – средний. Едва достает до подбородка.

– Телосложение – средней упитанности, не тощая, но и полнотой не страдает.

– Волосы даже в постели прячет под платком. Как ни искал, не нашел ни одного, чтобы хоть цвет узнать.

– Руки и ноги маленькие, нежные, без мозолей и цыпок, что странно для крестьянки.

– Запах. Ни намека на мыло, тем более, туалетное. Смесь дыма, хлева, молока. Чеснок.

– Кожа очень чистая. Везде! Странно, особенно учитывая отсутствие запаха мыла.

– Изысканность в любви. Знает позы и разные приемы, которые даже в Варшаве известны лишь по слухам.

– Французского явно не знает. Пытался шептать всякие грязные слова – не реагирует.

– Бескорытна. Ни намека на вознаграждение.

Закончив писать, перечитал. Попытался осмыслить логически. Получилась молодая крестьянка, не занятая физическим трудом, чистоплотная, живущая, скорее всего, при барах. Так это все и так было ясно с самого начала! Что ж, будем искать!

Лег спать, решив дождаться незнакомку во что бы то ни стало. Терпел до двух ночи. Не выдержал, уснул.

А незнакомка так и не пришла. Завтра обедня, исповедь... Грех перед причастием нескромными вещами заниматься! Так рассудила Натали и осталась в своей спальне.

Глава седьмая

Утром его, раньше обычного часа, разбудил Миша.

– Вставайте, сударь, церковь сегодня!

Ануан потянулся. Выспался он сегодня отлично! Из-за того, что незнакомка не пришла, гм! И опять Арина снилась...

– Я Вам, сударь, самоварчик подам и оладышков со сметаной. На скорую руку, ибо завтракать господу не будут перед обедней, – объяснил Миша во время бритья.

Что ж, и не такое переживали!

Оделся.

– Веди, Мишель!

В дверях встретился с хозяевами. Поздоровался, но графиня к ручке не допустила, сказала: грех! Какая благочестивая и добродетельная женщина!

Пешком пошли в церковь, на другой конец села. Колокол размеренно позвякивал в предутреннем сумраке. Воздух был тих, поэтому звук разносился далеко. В бледнеющем небе – россыпи звезд. На их фоне голые ветви деревьев казались причудливыми иероглифами, несущими в себе некий тайный смысл, послание людям от... кого?

Храм Божий (выстроенный иждивением Романа Борисовича Ржевского, прежнего барина, вечная ему память! – шепнул Миша) был большим, вмещал до полутысячи людей. Фрески, иконы, царские врата – все было внове Антуану, попавшему в православную церковь впервые. Свечи, колыхая огоньками, создавали атмосферу таинственности, причудливые тени скользили по стенам и толпе. Помещик с женой встали в первом ряду справа. Антуан – позади.

Служба началась. Возглашал дьякон, народ крестился, священник кадил ладаном. Конечно, Антуан ничего не понимал, но понравилось. Строже и серьезнее, чем у католиков. И все стоят, кроме нескольких старушек. Певчие пели капеллой, голоса их возносились ввысь, под купол, и там растекались серебряными струйками. Заслушаешься!

Через два часа с небольшим служба кончилась, народ потянулся на исповедь.

Первым исповедался Александр Романович. Быстренько покаялся, как обычно, в грехах винопития и чревоугодия, а также ещё десятке мелких грехов: гордыня, гневливость и тому подобное. Отец Леонид тоже, как обычно, наложил на него нетяжелую епитимью и отпустил грехи.

Второй подошла Наталья Сергеевна. Под епитрахилью она прошептала:

– Грешна я, батюшка! Няне нагрубилась третьего дня, на повариху гневалась, даже замахивалась ударить, но сдержалась. Гордыня одолевала. И ещё... мужу изменяла. С французом пленным...

Тут она подробно и с удовольствием, во всех деталях, включая подробное описание поз номер четыре и пять, описала процесс измены. Живописала также прием, которым будила ничего не подозревающего мужчину, и свои ощущения.

– Ой, батюшка, уж такое удовольствие от этого греха получила! Даже сейчас, несмотря на то, что раскаиваюсь, внутри все теплом растекается. Но, сегодня ночью воздержалась!

Слегка дрогнувшим голосом, отец Леонид, весь потный и сконфуженный, произнес:

– Епитимья тебе, раба Божия Наталья, такая будет: двести раз на коленях «Отче Наш» прочтешь, и столько же – «Богородице Дево Радуйся». Аз, иерей, властью мне данной прощаю и разрешаю ти грехи твои, чадо, именем Господа Нашего Иисуса Христа. Иди, и впредь не грехи...

Довольная графиня отошла в сторону. От своей исповеди она получила отдельное удовольствие. Ещё бы! Такое рассказать, хотя бы и попу!

Потом все причащались, подходили к кресту.

После службы Антуан познакомился с отцом Леонидом. Высокий, осанистый, с гривой черных, с проседью на висках волос и глубоким басом. Лет сорок пять – сорок семь на вид.

– Добро пожаловать в наши палестины! – приветствовал он Антуана по-французски.

– Увы, святой отец, не своей волей! – посетовал Антуан.

Священник ему сразу понравился.

– Неисповедимы пути Господни! – внушительно изрек батюшка.

– Хотелось бы с Вами поговорить, отец Леонид...

– Александр Романович меня с матушкой сегодня к обеду ждет. Там и поговорим без помехи.

За обедом, во время которого отец Леонид доминировал за столом, много говорили о войне, о судьбах Европы, о ситуации в России. Из разговора выяснилось, что отец Леонид был гвардейским офицером, но, после тяжелой раны, полученной в сражении с турками, ушел в отставку и принял сан.

– Вот, отец Леонид, месье Карсак занялся изучением русского языка! – сообщил граф, раскуривая сигару.

– Похвально, сударь! Тяжело, наверное? Язык наш труден для иноземцев! – улыбнулся батюшка.

– О, да! Дело непростое! Мишель, мой слуга, слабоват, как учитель... Учебник необходим, и словарь, – отозвался Антуан.

– Я с удовольствием с Вами позанимаюсь. Словарь есть, учебник купим. С Божьей помощью, осилите! – перекрестился отец Леонид.

– Наши мужички такими словами говорят, каких ни в одном словаре не найдёте, – вставил, оживившись поручик Ржевский, который до этого сидел бледный и молчаливый, хлебая жидкие щи.

– Да уж, как матом иной раз раскудрявят, сразу весело становится! – заржал полковник и закашлялся, поперхнувшись дымом.

– Фи, Алекс! – поморщилась графиня Натали.

– Да, ругаются! – грустно вздохнул отец Леонид, – Внушаю им, внушаю, что сквернословие есть грех – не доходит!

Поручик серьёзно заявил:

– Они, батюшка, матом не ругаются, они им разговаривают! Сегодня он был трезв, только с утра похмелился парой рюмок водки – и все.

– М-да... Ничего, со временем научитесь и этому, месье Карсак! – обнадежил Антуана священник.

После обеда все отдыхали пару часиков. За это время была протоплена баня.

Первой парилась графиня со своей няней, попадьею, комнатной девушкой Настей и Ариной. Хозяйка довольно мурлыкала, лежа на полке. Няня поддавала квасом по чуть-чуть на каменку. Ароматный пар шибал ядрено, покусывая молодежь за уши и нежные розовые соски. Няне же, сморщенной, как изюминка, было все нипочем. Попадья, скромная женщина лет сорока, (урожденная княжна Трубецкая, между прочим!) парилась мало, сидела в сторонке, мыла голову. Девушки, сверкая мокрыми белыми телесами, проворно работали березовыми вениками. Хорошо!

– Няня! Поддай с мятой! – попросила Натали, переворачиваясь на спину.

– Сейчас, касатушка! – няня плеснула на камни из ковша.

– Ой! Уши горят! – пискнула графиня.

Ей подали полотенце, покрыть голову.

Потом её долго и нежно терли лыковой мочалкой, взбитым яйцом промывали волосы, ополаскивали березовым настоем.

Сидя за самоваром в предбаннике, Натали придирчиво сравнивала себя с девушками. Арина, конечно, на мордашку была покрасивее, да и ростом повыше. Настя же была крупная, сильная девица, склонная к полноте, хотя и миловидная. Графиня с удовольствием решила, что у неё самая пикантная попа и самая тонкая талия.

После женщин мылись мужчины. Антуан понимающим взглядом оценил шрамы на телах отца Леонида, Александра Романовича и Сержа. Да и они с одобрением посмотрели на его рубец в боку от сабельного удара и сморщенный шрам от пули под правым соском. Пуля была на излете, а может, порох был подмокший. Короче, впиалась не глубоко. Такая вот везуха!

– А это у Вас что, господин лейтенант, ожог? Над коленкой, то-есть, на птицу похоже? – показал пальцем поручик.

– Нет, это родимое пятно. Дядя говорил, что такое же у него и моего отца. На орла парящего похоже, верно? – Антуан поставил ногу на лавку и все с интересом всмотрелись.

Над правой коленной чашечкой действительно, четко смотрелась крупное, вершок в поперечнике, родимое пятно красно-коричневого цвета: точь-в-точь парящий орел.

– Как Вам, месье Карсак, русская баня? Нравится ли? – с некоторой подначкой спросил немного погодя отец Леонид.

– Ох! Очень нравится! – выдохнул Антуан, сплевывая соленый пот, заливающий глаза, – Благодаря бане не заболел, спасибо господину полковнику и Герасиму!

Герасим крутил вениками над головой, как ветряная мельница, разгоняя жар. Все пришли в состояние гармонии тела. И духа.

Поручик Ржевский парился дольше и азартнее всех. Он выгонял из организма последствия запоя и оживленно рассказывал:

– Однажды просыпаюсь в Варшаве. В глазах темно, во рту сухость преизрядная и такой, знаете ли пикантный запах, как конь ночевал. Ну, с похмелья! Несколько дней гуляли всем полком. Спрашиваю денщика: вторник сегодня? Ибо во вторник мне на боевое дежурство заступать. Он отвечает: никак нет, вашбродь, суббота! Я понять ничего не могу, спрашиваю: стало быть, вторник завтра? Нет, говорит, завтра воскресенье. Я опять не въезжаю, спрашиваю: может, вчера был вторник? А он, гнусная рожа, ухмыляется: вчера была пятница! Я, господа, совсем растерялся! Получалось, что вторник из календаря выпал и его уже никогда не будет!

Отец Леонид хохотал, хлопая себя ладонями по бедрам. Александр Романович ржал, как тройка жеребцов. Антуана скрючило, едва разогнулся. Герасим, не знавший французского, тем не менее, тоже посмеялся за компанию.

Закончив мыться, все вышли в предбанник, к самовару. Выпили по чашке чаю с добавлением рома. Поручик от рома в чай, подумав, отказался, отдал свою рюмку Герасиму. Тот не возражал.

Выпив ещё по чашке, стали одеваться.

Ночью к Антуану снова пришла незнакомка. Приятно проведя часок, он уснул, довольный жизнью, которая начала приобретать черты рутины. Снилось ему в эту ночь всякая чепуха: Париж, по которому разъезжали бородатые казаки, он сам, в сюртуке, почему-то с девочкой на руках, запах молока и дыма и огромный самовар, самостоятельно ехавший на телеге без лошади под колокольный звон. И Арина в дверях таверны, машет ему рукой.

Глава восьмая

Прошло более месяца со времени пленения Антуана. Стояла вторая половина декабря. До Тимашова дошли сведения о Великой Армии, покинувшей Россию. Неман перешло всего 1600 человек, к которым в Пруссии позднее присоединились остатки войск с других направлений. Антуан тяжело переживал за любимого императора, но надеялся на скорый реванш.

Занятия русским языком с отцом Леонидом, к которому он ходил почти каждый день, продвигались успешно.

– Вы, сударь, отличные успехи делаете! – хвалил его учитель, – Старайтесь только запоминать ударения в словах. Увы, универсального правила для них нет!

– Да, конечно. Но есть много непонятного: растворенная дверь и растворенный сахар! Слово одно и то же, а значение – разное! Очень, знаете ли, конфузит иногда. И на слух многие слова одинаковы: вокруг дома изгородь – запор. На двери замок – запор. Много кушаешь, мало какаешь – опять запор!

– Г-м! Действительно! Ничего, научитесь нужное значение узнавать.

После Рождества, которое наш лейтенант отметил два раза – по европейски и по русски, от князя Обнинского пришло приглашение посетить театральное представление. В письме он обещал сюрприз.

Графиня воодушевилась:

– Ах, господа! Театр! Премьера! Какой, все-таки, молодец Илларион Ипполитыч! Без него мы бы тут все одичали! – щебетала она за обедом.

– Натурально, Натали! – согласился поручик Ржевский, ковыряясь вилкой в салате, – Вот, помню, в Таганроге, после похода, пошли мы в театр, предварительно слегка одичавши в трактире. Давали пиесу из древнеримской жизни. Ну, Нерон, значит, велел поджечь Рим. А сам поёт, вдохновение ловит. И, надо сказать, препаршиво поёт! Тут Алешка Незванов, второго эскадрона сержант, моченое яблоко метнул: чвак! Прямо в рот угодил! Нерон глаза выпучил, давится, лиру свою уронил. Мы все захлопали, а пение-то, продолжается! Оказалось, что Нерон только рот открывал, а пел за него какой-то прыщ за сценой! Обман!

Все посмеялись от души.

В назначенный день после обеда поехали в имение князя. Театр оказался внушительным сооружением с шестью пузатенькими колоннами у входа и фронтоном с барельефом, изображающим битву людей с кентаврами. Внутри было шикарно: паркетный узорчатый пол, на потолках лепнина, мраморный бюст князя в фойе. Все кресла и борта лож из малинового бархата, с позолоченными деревянными частями.

– Кресла – моя работа! – похвастался граф Антуану, – Сам первый образец сделал, Иллариоше понравилось, ну, я и того... Целую зиму и весну над ними трудился, с тремя помощниками. Зато сто лет простоят!

Антуан впечатлился. Двести кресел! Он уже получил от хозяина в подарок красивый резной сундучок для личных вещей, как и было обещано, и убедился в профессионализме Александра Романовича. Но, одно дело сундучок, а другое – такой заказ!

Заняли свои места в ложе. Прозвенел первый звонок. Зал быстро заполнялся публикой. В оркестровой яме настраивали инструменты. Антуан взял программку, прочел по складам: «Кротость – не порок, или как девица скромного поведения без приданого за богатого жениха замуж вышла. Музыкальная комедия в трех действиях. Сочинение господина О.»

– Господин О – это князь псевдоним такой принял, – шепотом пояснил поручик Ржевский.

Спектакль начался. На взгляд Антуана было очень даже недурно: отличная музыка, симпатичная инжени с прекрасным голосом. Декорации были выше всяких похвал. Сюрприз же заключался в движущейся сцене. Огромная карусель вращалась, и герои попадали в новую обстановку! Такое новшество было личным изобретением князя и публика была потрясена до глубины души. Сам Илларион Ипполитович играл престарелого папашу главной героини. Текста у него было мало, но, тем не менее, свою роль он сделал маленьким шедевром. Как убедительно он сморкался и плакал, когда коварный негодяй возвестил ему страшную весть о разорительном пожаре в его поместье и как залиvisto хохотал, когда это оказалось неправдой! А когда в конце он произнес проникновенно: «Благословляю вас, чада мои!», многие дамы, в том числе и графиня, зашмыгали носиками. В общем, все кончилось хорошо. Злодей, мешавший счастью влюбленных, после разоблачения спел свою арию: «Я понял тщету гнусных замыслов моих, я был неправ и извиняюсь! И удаляюсь в монастырь замаливать грехи мои!». Матушка жениха, страдавшая от нервной горячки и паралича на протяжении многих лет, поправилась и затанцевала, когда героиня принесла ей букет специально собранных цветов: «О, как прекрасен запах сих фиалок! Я от него для жизни пробудилась! Но, пуще всех цветов, меня воздвигла с ложа скорби ты, прекрасная и кроткая девица!». Жених получил повышение по службе и назначение послом в заграницу, так как невеста спела его начальнику: «О, к Вам я припадаю! Неужли не потщитесь Вы достойного избрать? Где ж Ваше благородство?». Начальник потщился, и благородно уволил конкурента на должность посла. Последние слова в его арии были: «Подите прочь, Вы низкий интриган!». Интриган ушел, заливаясь слезами. Жених же спел: «Я снова на коне, скачу навстречу ветру, туда, где Государю послужу и преданно и верно!», – и весь зал разразился аплодисментами.

В финале все долго хлопали и кричали «Браво!» и «Бис!», артисты выходили на поклон восемь раз.

Потом в буфете пили шампанское, поздравляли князя с успехом. Илларион Ипполитович сиял. Он все ещё был на взводе, адреналин бурлил в крови и требовал выхода.

– Какая ночь, господа! Какая ночь! Премьера! – несколько бессвязно восклицал он, – Потапка, суфлер – ведь, чуть не испортил всё во втором акте! У меня там написано: «Очей бездонных черных бездны лукавство источали»! А он: «Очей бездомных черных бездарь лукавых без печали»!

– Полно, Иллариоша, никто этого не заметил! – успокаивал друга граф.

– Все равно, выпорю! – зловеще пообещал господин О.

– Да полно, надо гуманнее быть! Лучше водки не давай. Дня три! – пошутил Александр Романович.

– А вот это уже изуверство! Давай поспорим, что он предпочтет: пороту быть, или три дня без водки? На «Кукареку»?

Позвали Потапа, степенного лысоватого мужика в сером сюртуке.

– Ты что же, прыщ тупой, окаянный, распроязви тебя в ноздрю шомполом ржавым троекратно с загибом, текст исказил, а? – грозно надвинулся на него князь.

Антуан, достав карандашик, старательно записал сию фразу на манжете. Он был сегодня в партикулярном платье.

– Так, барин, переписчик ошибся, Корнейка! – прижав руки к груди оправдывался суфлер, – Я и сам удивился, такое прочитавши! Вот, извольте убедиться! – он протянул князю свой экземпляр пьесы.

– А-а... Да... Ладно, ступай! ... Стой! Скажи-ка, если б тебе выбирать между поркой и лишением водки на три дня, что выберешь?

– Воля Ваша, барин, порите. Спина-то заживет, а душа без водки увянет, как цветок не политый! – понурился Потап.

Все захохотали.

– Проиграл, Саша! – торжествующе ухмыльнулся театровладелец.

Александр Романович неохотно развел руки, помахал ими, изображая крылья, и громко кукарекнул. Все заплодировали.

– С переписчиками прямо беда! – развел руками Илларион Ипполитович, – Не тама, так тута обязательно напутают!

– Так ведь почерк у тебя, Иллариоша... не того. Ещё в детстве секли, за почерк-то! – деликатно, но мстительно напомнил граф.

– А я что могу сделать? Пишу я скорописью... На проклятые перья целое стадо гусей каждый год извожу! Эх, если б машину такую придумали, чтоб писать разборчиво! Дергаешь рычаг: раз! Буква «Аз»! Дергаешь другой – два! Буква «Буки»! И так далее, до Фиты и Ижицы! – размахивая руками и расплескивая шампанское горячился князь.

– Ну, ты даёшь, Иллариоша! Громоздкая получилась бы машина, да и перо вставлять-менять все равно пришлось бы, и чернильницу доливать... Кляксить будет ужасно! Ты сам подумай: чтобы она буквицы вырисовывала аккуратно и должного размера, механизм вроде часового должен быть, только ещё сложнее. Ты про Кулибина слыхал? Пожалуй, что и ему не под силу. Да и рычаги дергать пришлось бы со скоростью немалой, бегать туда-сюда от Аза до Ижицы, – обнял его за плечи полковник.

Князь увял.

– Понимаю... Это я так... Мечтания одне.

– Ты лучше диктуй писцам, как Царь Соломон! У него постоянно два писца дежурили. Надо записать что-нибудь – он их звал и диктовал, а потом сличал написанное.

Обнинский с сомнением покрутил ус:

– О! Мысль интересная! Только писцов с хорошим почерком непросто найти! А своих воспитывать долго придется...

– Допустим, одного я бы тебе уступил... Есть у меня мужичок, пятнадцать лет на оброке в Москве прошения в суд писал, сочинителю Державину рукописи переписывал набело... хорошие деньги зарабатывал! Почерк – заглядение! А после пожара ко мне вернулся, и теперь без дела хлеб жрёт.

– Саша! Вот спасибо! Договоримся! Мы за ценой не постоим!

Антуан понял, что сейчас, вот так просто, решается судьба неизвестного ему мужичка-писца. Неважно, продаст его граф, или сменяет. Главное – без его ведома и согласия. Крепостное право. Да.

Разговор свернул на другие темы. Графиня Натали горячо спорила с княгиней о костюмах персонажей, доказывая, что главная героиня смотрелась несколько вызывающе в голубом платье.

– В бежевом было бы гораздо лучше, скромнее! А голубой цвет слишком яркий!

Княгиня – главный костюмер, снисходительно возражала, что, по замыслу автора, именно яркое платье героини являлось необходимым акцентом в данной сцене.

В зал быстрым шагом вошел один из людей князя и протянул ему письмо. Нетерпеливо разорвав конверт, хозяин прочел послание.

– Господа! – провозгласил князь, – Только что пришла эстафета из Москвы: по приказу государя-императора наша армия третьего дня перешла границу! Милостью Божьей военные действия ведутся сейчас на территории Германии. Возможно, вскоре к нам присоединится Пруссия! Ведутся переговоры. Буонапарт собирает новую армию, но все ветераны, гм, того...

Новость была сенсационная. Все знали, что осторожный Кутузов выступал против преследования французов и уговаривал государя заключить мир немедленно. Значит, по другому решил император Александр Благословенный!

Поручик Ржевский расправил плечи. Глаза его блеснули.

– Ага! Значит, на мою долю тоже достанется! В полк пора возвращаться, братец! А то, загостился я тут!

– Да ты же хромаешь ещё! – возразил старший брат.

– Э! На коне хромоты не видно! – отмахнулся поручик.

Антуану стало кисло. Война продолжается, император испытывает трудности, в том числе и с деньгами. Все верные ему сейчас сплываются вокруг знамени. Каждый воин на счету, а лейтенант Карсак отдыхает! В театры ездит! Эх, вскочить бы сейчас на коня, помчаться к своим...

Графиня, искоса глянув на сбледнувшего с лица француза, решила при первой же возможности утешить его поосновательней. На очереди была очень интересная поза номер сорок два, для которой Натали тренировалась уже пять дней, садясь на шпагат и делая мостик по несколько раз в день.

В Тимашово этим вечером Арина сидела за вышиванием у ключницы Феклы. То-есть, они не столько вышивали, сколько коротали время за разговором. С ними сидела и угощалась вишневою наливкой пожилая цыганка Надя. По осени она, заболев горячкой, отстала от табора, и добрая Фекла упросила барыню оставить её в доме. От цыганки вышла немалая польза: хоть и неграмотная, но с острым умом и сметливостью, она помогала вести учет расходов, сильно сократила утечку сахара и спиртного, выявив грешащих этим делом дворовых. И слухи! Где она их брала, живя в имении безвылазно – неясно, но сведения были всегда точные. Барыня была очень довольна и предлагала ей остаться жить совсем, заниматься, так сказать контрразведкой, и даже жалованье обещала положить, но Надя колебалась.

– Не, наверное, не сдюжаю! – вздыхала она, – На одном месте, разве ж это жизнь! Скучно! Вот вернется весной табор, уйду с нашими кочевать. Сегодня Москва, а завтра – Саратов! Степь, воздух вольный... По внукам, опять же, соскучилась.

– Сколько же внуков у тебя? – поинтересовалась Фекла, откусывая крепкими белыми зубами нитку.

– Ой, дай вспомнить... Шесть... Нет, семь! А может, и восемь уже: младшая сноха в тягостях была, как раз к Рождеству родить собиралась.

Арина вздохнула и склонилась ниже над пальцами.

– Что, девка, вздыхаешь? Замуж охота? – остренько глянула на неё Надя и улыбнулась по доброму.

Арина покраснела. Замуж хотелось сильно. И не абстрактно, а за конкретного человека. Дитё бы родить, эх! Ручки-ножки, пальчики шевелятся... Глазки...

– Туго у нас, с женихами-то! – покачала головой Фекла, – Ей за дворового выходить, не за пахаря. А дворовых подходящих нету.

Надя сочувственно хмыкнула. Она уже знала, что единственный холостой дворовый – сын Феклы, Михаил, был неполноценен по мужской части: борода не росла и тело несколько женоподобное. Знала она и то, что Арина была рождена от графа, но осталась сиротой: мать умерла родами. Фекла, родившая неделей ранее, воспитала девочку как родную. Вслух про эти тайны Мадридского, в смысле, Тимашовского, двора не говорили, но намеками-намеками. И уж, конечно, за пахаря барин дочку свою, хотя и не признанную, не отдаст.

– А давай, красавица, я тебе карты раскину! – предложила слегка захмелевшая от доброй наливки Надя, – Узнаешь, что ждет тебя!

– Так, ведь грех это... – с сомнением пробормотала Арина, но сердце при этом застучало: «соглашайся!».

– Отмолишь! – весело парировала цыганка, – Покаешься попу на исповеди, Бог простит! Она достала из своих широких юбок затрепанную колоду и забормотала скороговоркой:

– Карты неигранные, правдивые, расскажите нам, что было, что будет!

Протянула колоду девушке.

– Посиди-ка на них, красивая-золотоволосая!

Арина осторожно приподнялась и положила карты на лавку. Когда села, попу прямо как обожгло! Отдала колоду Наде, с замиранием стала смотреть.

Бормоча какие-то приговорки: «Для себя, для дома, для семьи, чем сердце успокоится», та стала раскладывать на бубновую даму. Через некоторое время подняла глаза:

– Сколько лет живу, гадать сызмальства обучена, а такого не встречала пока!

– Да что там, говори скорее! – воскликнула Фекла, сильно переживавшая за Арину.

– Король бубновый на сердце и интерес он проявляет. Да король-то не нашенский, заморский вроде. К браку дело придет, но не сразу, надо будет потрудиться немало, препоны преодолеть. И самой первый шаг сделать. А будет потом дальняя дорога: уж такая дальняя! Богатство большое вижу, чужое... Оно к хлопотам, к несчастью. Всю жизнь от него покоя не будет. А зато любовь счастливая и долгая. Но – через обман.

– Какой... обман? – пролепетала Арина.

– Такой! Чтобы с королем быть, его обманывать придется!

В светёлке воцарилось молчание.

– Знаю я этого короля, – улынулась Фекла, – Только ходит к нему кто-то по ночам! Глашка говорила: пятна, мол, на простынях.

Надя знала, кто ходит к французу по ночам, но промолчала. Жизнь дороже. Сболтнешь такое – дня не проживешь! Герасим с десяти кнутов душу из тела освободит. А ей в имении нравилось, да и до весны было ещё далеко.

Арина сосредоточенно думала. Обмануть любимого человека... Ни за что! Ради Антоши (так она в мыслях называла месье Карсака!) – другое дело. Кого угодно обманет, что угодно украдет... все бросит, за ним босиком пойдет! Неужто и вправду, увезет её в заморскую страну? Плен его кончится и... Ой, не пустит барин! Тайно бежать? Невозможно, без подорожной-то. Да и погоню граф пошлет сразу же... А первый шаг, как его сделать? Она на все готова, лишь бы с милым быть рядом! Но кто к нему по ночам ходит?

Не слушая более, о чем говорят женщины, она встала и вышла в людскую, попить.

– Хороша девка! – сказала Надя, когда дверь закрылась, – И года у ней самые сочные! Малина-ягода, право! Ты ей намекни, Феклуша, пусть полы, что ли, помоеет у француза-то, чтоб он на задок ейный полюбовался! Под лежащий камень вода не течет!

В сердце каждой женщины спрятана любовь к интригам! А тут – такое благое дело: устроить судьбу сироты!

– Это дело тонкое, подумать надо, обмозговать со всех сторон хорошенько, – задумчиво протянула она и чокнулась наливкой с цыганкой.

Арина к ним не вернулась. Уйдя к себе, долго ворочалась: сон не шел. Все пыталась вычислить, кто ходит к Антоше по ночам. Сердце девушки сжимали тиски ревности! Кто, кто умудрился перейти ей дорогу? Чем завлекла? Ведь красивее Арины во всем Тимашове никого нет! И она господину лейтенанту небезразлична, каждый раз при встрече смотрит, как раздевает, глазами-то! И усы шевелятся, вроде он сказать что-то хочет, да не решается. Да она и по французски поняла бы, лишь бы сказал! Как, как ему намекнуть, что влюбилась, с самого первого дня?

Угревшись и успокоившись немного, решила: будь, что будет, а она Антоше в любви признается! А дальше – как Бог даст! Ему в имении не месяц и не два жить! С этой мыслью она и уснула.

Сон, приснившийся ей, был необычный: будто идет она по полю, а на нем ни травиночки, голый серый камень, ровный и гладкий, а навстречу ей с оглушительным ревом и свистом

огромная железная птица несется, взлетает над самой головой, а крыльями не машет. Вот, чудно!

Глава девятая

Начальник Отдела Контрразведки Особой Канцелярии Военного министра Российской Империи полковник Виктор Сергеевич Долинин с утра готовился к докладу самому государю. На эту должность он был назначен высочайшим повелением всего год назад, что многие считали капризом Фортуны, но это было не так. Всего в своей жизни Виктор Сергеевич достиг сам, благодаря исключительно воле, способностям к сыску и умению выстраивать хитроумные многоходовые оперативные комбинации. Поддержки при дворе у него не было: отец был однодворцем, и сам пахал землю. Учился Долинин в артиллерийском кадетском корпусе за казенный счет благодаря отличным отметкам, полученным на вступительных испытаниях. Служил потом под началом самого Суворова, им же, кстати, и был произведен в полковники за блестяще проведенную операцию по дезинформации противника. Короче, за заслуги граф Аракчеев назначил его шефом контрразведки.

Жил полковник скромно в маленьком доме о семи комнатах на Литейном, ибо капитала не стяжал. Женился по любви на скромной помещицкой дочке, принесшей в приданое лишь восемьсот целковых. Всей прислуги была только кухарка, горничная, да денщик. Взрослый сын Николай жил отдельно, служил в артиллерии.

– Кузьма! Сапоги подавай барину! – строго приказала денщику хозяйка, Маргарита Михайловна.

Сверкающие, как жирные черные солнца, сапоги были поданы. Притопнув каблуком с подковкой, Виктор Сергеевич взял папку с докладом, накануне перебеленным лично супругой (у неё был прекрасный почерк, не уступающий писарскому!), расправил усы на круглом румянном лице:

– Ну, душенька, я пошел.

Маргарита Михайловна перекрестила его, поправила бахрому на эполете, слегка нагнувшись, ибо была на вершок выше мужа, поцеловала в лысину.

– Сломай ногу! – пожелала она по английски, так как желать удачи вслух нельзя – спугнешь. Взамен англичане желают несчастья, из этих же соображений.

Полковник улыбнулся, поцеловал жене руку (интимно, у локтя!), и вышел к ожидавшему его казенному экипажу.

Через двадцать минут он уже входил в кабинет государя.

Александр стоял у письменного стола, беседуя с графом Аракчеевым. При появлении Виктора Сергеевича они прервались.

– А, Долинин! Подойди! – улыбнулся император.

О делах государственных он принципиально говорил только по русски и называл всех на «ты», пользуясь привилегией монарха.

Полковник подошел и отдал честь. Аракчеев кивнул ему: они вместе учились в кадетском корпусе и даже дружили когда-то, но потом их пути разошлись, чтобы вновь сойтись сейчас, через много лет, когда Алексей Андреевич стал военным министром, а Виктор Сергеевич – шефом контрразведки.

– Садитесь, господа! – предложил царь, садясь за стол.

Генерал и полковник последовали его примеру.

– Начинай! – приказал Александр.

И контрразведчик начал:

– Государь! Во время похода на Москву французская армия захватила огромные трофеи. Была захвачена, например, казна Смоленска, Можайска и других городов, ценности, хранящиеся в монастырях (список прилагается), множество помещицких имений также подверглись

разграблению. При захвате Москвы, несмотря на то, что денежные средства были заблаговременно вывезены, огромное количество золота и серебра, картин и прочего, все-таки досталось Буонапарту. По самым скромным подсчетам, добыча составила семнадцать-восемнадцать миллионов рублей. Но при отступлении обоз исчез! Последние перешедшие через Неман войска везли с собой только провиант, фураж и боеприпасы. Значит, ценности остались в России! Проанализировав сведения, полученные от пленных, а также донесения разведки и партизан, можно прийти к выводу, что обоз был спрятан вскоре после сражения под Малоярославцем, в начале ноября, предположительно на границе Московской и Калужской губерний. Как французам удалось это сделать – пока не ясно, ибо спрятать незаметно содержимое сотни телег в тех местах очень трудно: местность ровная, лесистая, гор и пещер нет.

Долинин показал карту, на которой красным карандашом был обозначен район поисков.

– Территория огромная, Ваше Величество, более сотни верст в поперечнике, пяток городов, тридцать сел, а уж малых деревень и погостов около шестидесяти, – продолжал он, перелистнув страницу, – Необходимо целенаправленно допросить всех пленных, а также жителей указанной местности. Но, с Божьей помощью, справимся, предприняты меры к розыску. Не могли французы слишком уж далеко от дороги уходить, завязли бы.

Царь и военный министр переглянулись.

– Да-а... Денежки не лишние, – задумчиво протянул Александр, – Молодец, Долинин! Все это как-то мимо меня прошло. Даже в голову не приходило, насчет обоза-то, г-м! Ищи! Внутреннюю Стражу (так тогда называлась полиция! Прим. Автора) на местах задействуй, местных помещиков. Ты прав, должны свидетели найтись.

– Осмелюсь заметить, Ваше Величество, работа большая предстоит. Есть у меня человек, который в землю на три аршина зароется от усердия. Ему хочу поручить розыск. Сам же буду осуществлять общее руководство.

– Г-м! Кто таков?

– Некто прапорщик Вишневский, Петр Иванович. Служит у меня в отделе контрразведки. Способный и дотошный.

– Вишневский... Это он из каких Вишневских? Из старых князей или молодых? – поднял брови Александр.

– Никак нет. Из крепостных людей старых князей Вишневских. Сам фельдмаршал Суворов его в прапорщики на поле брани произвел, – деликатно разъяснил Виктор Сергеевич.

Повисла довольно продолжительная пауза. В офицеры из солдат выходили редко, очень редко. Отношение к ним у аристократии было, что греха таить, предвзятое. Но Аракчеев, сам хлебнувший бедности в молодые годы, таким офицерам всегда доверял, ценя прежде всего их деловые качества. Прапорщика Вишневского он знал лично и был им доволен. Он утвердительно наклонил голову. Александр еле заметно пожал плечами. Долинин понял, что его предложение принято.

– Ладно. Назначай сего прапорщика на розыск. Под свою ответственность, – отрывисто сказал царь, – Записку свою оставь, почитаю. Свободен!

Отдав честь, полковник вышел. Император, доставая из портсигара пахитоску осведомился:

– Как думаешь, Алексей Андреич, найдет ли клад прапорщик?

– Этот – найдет, – коротко и веско ответил Аракчеев, поднося Александру зажженную спичку.

Тот затаился, выпустил дым через ноздри:

– Ежели найдет... Сразу чин поручика и пять сотен душ пожалуй!

Выйдя от государя, Виктор Сергеевич снова сел в экипаж и поехал в Адмиралтейство, где находилась Особая Канцелярия Военного Министра. В своем кабинете он, чтобы успокоить

нервы, достал из шкапа початую бутылку рябиновой на коньяке и налил себе добрую стопку. Проглотив, помотал головой от удовольствия. Напряжение, владевшее им с утра, ушло. Все-таки, пред светлы очи самого государя не часто приходится являться! Посидев пару минут, позвонил в колокольчик. Вошел дежурный офицер.

– Вишневого ко мне! – коротко приказал полковник, – И насчет самовара распорядитесь! Пошлите к Пяти Углам за бубликами.

Через двадцать минут прапорщик, самовар и бублики были в кабинете.

Петр Иванович был высоченный, чуть не в три аршина, жилистый дядька лет сорока. В прежней жизни он был кузнецом у старого князя Вишневого и, несмотря на молодость, славился своим мастерством на всю Черниговщину. Но случилось коляске княжны Ольги остановиться у кузницы, починить сломанную ось. Влюбилась барышня в красавца кузнеца без памяти, несмотря на зияющую между ними пропасть социального положения! Петр тоже влюбился. Были тайные свидания, охапки сирени, ночные купания в озере под пение соловьев... Носил любимую, лёгкую, как облачко, на руках. До греха дело, впрочем не дошло. Не успело. Князь, узнав о грозящем разразиться скандале (дочка, блестя глазами, вслух возмечтала о свадьбе! Это с крепостным-то мужиком!), прогневался и, в одночасье, сдал кузнеца в солдаты, хоть и жалко было первоклассного мастера ужасно. Но дочку – ещё жальче! А шляхетскую честь – особенно.

Петр Иванович стал гренадером. Через десять лет получил чин сержанта, дважды был награжден медалью «За Храбрость», причем первый раз – при взятии Измаила. В 1799 году за штурм Сен-Готарда был произведен в прапорщики, получил лично от Суворова офицерскую шпагу.

Приехав в отпуск в родное село, узнал, что княжна так и не вышла замуж, ушла в монастырь, и вскоре умерла от чахотки. Сильно кручинился, пил горькую целый месяц. Затем вернулся в полк. Отдался со всем рвением службе, которая стала единственным смыслом его жизни. Семью не завел. Год назад перешел по приказу графа Аракчеева в контрразведку. Такая вот грустная история.

Все это Долинин припомнил сейчас, в кабинете у самовара.

– Садись, Петруша, не стой столбом, а то ты меня подавляешь! – пошутил он, – Да чайку со мной откушай. Бублики вот, бери! Свежие.

Он был старше прапорщика лет на семь.

– Спасибо, Виктор Сергеич, – богатырь сел на стул, повозился, устраивая шпагу, – Свежих бубликов страсть люблю!

Полковник ухмыльнулся про себя. Помнить все сильные и слабые стороны и особенности подчиненных он считал одной из первейших своих обязанностей. Как иначе рассудить, кому какое поручение давать! Свое дело для каждого и каждый для своего дела. Благодаря такому подходу, успехи в его отделе случались значительно чаще неудач.

Налили чай в стаканы с тяжелыми серебряными подстаканниками.

– Вот, Петро, был у меня сегодня разговор с Государем. Насчет французского обоза с ценностями. Ищи, говорит, Долинин! А я: есть у меня человек, носом рыть землю будет, на три аршина вглубь зароется, но сыщет! Вишевский, Петр Иваныч, прапорщик. Ну, Государь и Алексей Андреич твою кандидатуру утвердили. Сам понимаешь, дело ответственное, секретное. Деньжищи огромные. Оправдаешь ли высочайшее доверие?

– Да я... – задохнулся Петр Иванович и гулко ударил себя в грудь здоровенным кулаком, – Я небо и землю переверну! На карачках лично всю губернию исползаю! Каждого волка в лесу допрошу, но найду! Только французский у меня хромает...

– Знаю, Петя, знаю. Поможем. Можно на тебя положиться, а это главное. Ты чай-то, кушай.

Вишневский покорно отхлебнул чаю. Из стакана было пить неудобно и горячо, но из блюдечка не попьешь, стеснительно при начальстве.

– Команду себе сам подберешь, – продолжал Долинин деловито, – Привлечешь местных: Внутреннюю Стражу, помещиков. Поскольку дело секретное и до больших денег касемо, говорите, что ищите, мол, пропавший-сгинувший французский обоз – и всё! Награду сули, но небольшую, чтоб подозрений не вызвать. Территория обширная, времени много уйдет. Самое главное – свидетелей найти. И следы! Ежели французы с дороги с обозом съезжали, колеи останутся, даже и весною. На это – особое внимание.

Разговор-инструктаж продолжался, пока не опустел самовар и не были съедены все булочки. Затем Долинин отпустил прапорщика и поехал домой, ибо присутственные часы уже закончились.

Вишневский решил, фигурально выражаясь, танцевать от печки, то-есть – от Малоярославца, постепенно отслеживая дорогу на Боровск, Верею и Можайск. Перво-наперво истребовать списки пленных, захваченных в указанный период, побеседовать с военными комендантами. Снова пожалел, что плохо владеет французским. Ну, что ж, завтра он подберет команду – и в путь!

На следующий день представил полковнику помощников: прапорщика Василия Шеина, только-только начавшего службу юношу из старинного боярского рода, чьи щеки ещё не знали бритвы. Тем не менее, парень был способный, с острым, логического склада умом и отличным воображением, что в предстоящем деле было важно, и уже успел отличиться, самостоятельно раскрыв два довольно заковыристых дела. Долинин сам выпросил его у Аракчеева для службы в контрразведке.

– Вам, Василий Кириллыч, предоставляется возможность отличиться. Экспедиция предстоит наиважнейшая, секретная. На Ваши экстраординарные способности к сыску особые надежды возлагаю! – поощрил юного прапорщика Виктор Сергеевич, – А государь наш верных слуг не забудет! Глядишь, чин поручика пожалуйет!

Шейн немедленно раздулся от гордости и чувства собственной значимости. А что? Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!

Вторым был фельдфебель Федор Маркин, старая канцелярская крыса, обладающий необыкновенной памятью и способностью виртуозно работать с документацией. Он тоже был хорошо известен полковнику.

– Ты, Федор, въедливый и кропотливый. И память у тебя отличная, все можешь в систему привести. Сделаете дело, найдете ценности – наградные получишь. На домок новый хватит! А ещё... – Долинин пошептал что-то важное фельдфебелю на ухо, – Понял?

Федор даже прослезился от оказанного доверия и лестной оценки начальства.

– Одобряю! – похвалил Долинин Вишневского, поговорив с обоими кандидатами, – Один другого дополняет деловыми качествами. Видишь, пишу резолюцию: «Быть по сему!». Деньги и проездные документы получай, возьми отделение солдатиков для охраны и раскопок, вечер на сборы – и завтра в путь!

На крыльце Вишневский крепко пожал руки сотоварищам по предстоящему приключению:

– Идите, собирайтесь! Завтра до свету тронемся. Личных вещей – минимум. Только то, что в ранец поместится. У тебя, Федор, я знаю, рюматизм, не забудь валяные сапоги. Да и Вы, Василий Кириллыч, тоже бы взяли, валяные сапоги-то. Морозы предстоят, Крещение скоро!

Румяный, как девица, Шейн поморщился.

– Фи, Петр Иванович! Валенки – это же так... незящно!

– В походе первое дело удобство, а уж изящество – опосля и потом! – наставительно улыбнулся начальник секретной экспедиции, – Поверьте ветерану!

Ранним утром они стартовали на Москву. Обоз получился внушительный: крытый возок для Вишневого, Шеина и Маркина, двое саней с охраной и денщиками, да ещё двое саней с провизией, водкой и фуражом. Ехать предстояло через места, разоренные войной, мало ли что. Из-за этого багаж Шеина значительно превышал объём солдатского ранца. Маменька, вдова генеральша, и варенья положила, и кур-гусей-яиц, и буженины, и осетрины, и фуфак пуховых, и носков вязаных, и подштанников теплых, и погребец с ликерами. Даже перину с подушками! Одному человеку и не поднять. Василий Кириллович заметно стеснялся, когда двое дюжих лакеев грузили все это в сани, но Петр Иванович от замечаний воздержался: мать есть мать! Сын уезжает надолго, зима на дворе. У кого язык повернется супротивничать!

Когда объятия и поцелуи закончились, и возок, наконец, тронулся, красный, вспотевший от смущения Шеин повернулся к своему начальнику:

– Ей-Богу, Петр Иванович, аки лев отбивался! Да маменьке разве внушишь... Её бы воля, так ещё бы трое саней нагрузила! Я предлагаю все на общий стол, один лопать варенье под одеялом не желаю!

– Гран мерси, Василий Кириллыч, в дороге и варенье пригодится! – серьезно поблагодарил его Вишневский, – Знаете, как солдаты говорят: в походе и жук – мясо!

Маркин довольно улыбался: любил человек вкусно поесть!

Глава десятая

После премьеры и известия о Заграничном Походе российской армии поручик Ржевский послал письмо в полк с просьбой вернуть его в строй. В течении двух недель он старательно тренировался скрывать хромоту, ибо и гусарам маршировать тоже иногда приходится. Да и лекари могут признать за инвалида и комиссовать, хромого-то. После завтрака скакал на коне до самого обеда, вольтижировал, упражнялся в рубке лозы. Уговорил Антуана фехтовать с ним, чему тот был, с одной стороны, рад, так как уже начал заплывать жирком от спокойной и комфортной жизни в плену, а с другой стороны – не рад, ибо сознавал, что тренирует врага, который скоро выступит против армии Императора на поле битвы. Утешало то, что Серж, как фехтовальщик, был значительно ниже классом. Поблажки гусару Антуан не давал, и поручик ходил весь в синяках, несмотря на защитный нагрудник и шлем.

А накануне Крещения случилось несчастье: в результате удара эскадроном у Сержа открылась рана, началась горячка. Бедняга бредил, никого не узнавал. Привезенный из Боровска доктор Шнейдер осмотрел больного и угрюмо сообщил Александру Романовичу:

– Переусердствовали Ваш братец с шагистикой да верховой ездой. После пулевого ранения остался дремлющий очаг воспаления, нынче активизировавшийся и производящий в изобилии гной. Боюсь, как бы дело не пришло к остеомиелиту, сиречь загниванию бедренной кости.

– Что же делать, Теодор Оттович? – почтительно спросил старший брат.

– Я уже произвел кровопускание, это уменьшит горячку на время... Необходима операция, да! Буду вскрывать рану, и, если имеется загнивание кости, то выскоблю до живого слоя.

Поручика стали немедленно готовить к хирургии. Пришел отец Леонид и, на всякий случай, исповедал его и дал отпущение грехов. Аккуратно влили в пациента полштофа водки, зафиксировали на столе мягкими жгутами из простыней. Вставили между челюстей сложенный вдвое ремень, чтобы не прикусил язык и не сломал зубы. Герасима поставили держать голову, Фёдора с Лукой – ноги и руки. Доктор разложил инструменты.

– Готовы? – строго спросил он мужиков, – Смотрите, держите крепко!

– Готовы, барин! Удержим, не сомневайтесь!

Ланцет коснулся кожи. Закровило. Поручик дернулся и застонал. Хирург пошел глубже, пережимая сосуды зажимами. Вот и полость, из которой хлынул вонючий желто-зеленый гной! Тело на столе выгнулось дугой, глаза Ржевского закатились.

– Зер гут! – бормотал Шнейдер, промывая рану холодной ключевой водой, – О! Что это у нас? Сие, несомненно, есть фрагмент пули! Дас ист фантастиш! Сразу нашли!

Кость оказалась не затронута гнойным процессом. Поставив дренаж, доктор зашил рану редкими швами. Поручик был без сознания, бледный, весь покрытый крупными каплями холодного пота. Пульс был частый, слабый. Вся операция заняла двенадцать минут.

– Теперь все в руке Божьей! – строго объявил лютеранин Шнейдер отцу Леониду и Александру Романовичу, – Герр гусар есть очень сильный экземпляр, должен... как это говорят у вас по русски... вы-ка-раб-ки-вать-ся!

– Молебен о здравии отслужим! – кивнул отец Леонид.

Александр Романович принялся уговаривать доктора остаться хотя бы на несколько суток, но тот развел руками:

– Повязку и без меня справитесь сменить каждый день. Лекарство я оставил. Через три дня приеду, а до тех пор мне тут делать нечего.

Отобедав с хозяевами и приняв толстенькую пачку ассигнаций в качестве гонорара, уехал.

Натурщица Дуняша сама вызвалась ухаживать за больным. Просидев у скорбного одра всю ночь, усталая, с кругами под глазами, спустилась в людскую, позавтракать.

– Всю ночь колотился, метался! – пожаловалась она Фекле и Наде, – И стонал так уж жалобно! Уж и молилась, и тряпицу мокрую, холодную на чело прикладывала – ничего не помогает. Сейчас поем, да повязку буду менять.

– Ты, вот что, девка, – промолвила Надя негромко, – Знаю я средство от гнойной раны. Заплесневевший хлеб черствый надо разжевать и рану намазать, жевкой-то. После перевязать чистою сухою повязкою. Наше это средство, цыганское. Враз рана охолодает и гной уйдет!

Во всем доме не нашлось плесневелого хлеба! Фекла послала гонцов искать в деревне. Нашли у слепой бабушки Ненилы: закатилась краюха за печку.

Дуняша, помолившись, разжевала, морщась и давясь, закаменевший горький кусок и тщательно намазала рану. Старую повязку сожгла в печке: страх смотреть было, вся гноем и кровью пропиталась!

К вечеру горячка уменьшилась и Серж пришел в себя. Ефросинья принесла ему крепкого, аж ложка стояла, куриного бульона, сваренного, опять же по совету Нади, из черной курицы. Поручик съел три ложки и уснул, держа руку Дуняши, задремавшей тут же, в креслах.

На следующий день он и выглядел, и чувствовал себя гораздо лучше. Гноя из раны отделялось значительно меньше. Александр Романович сам просидел с ним целый день, дав отдохнуть Дуняше. Поил его, по совету доктора, лимонным соком с добавлением коньяка, два раза заставил поест бульону. Поручик слабо отругивался и капризничал, требовал водки. Но водки не давали: доктор запретил.

Вечером граф позвал к себе Надю и подарил ей десять серебряных рублей.

– Кабы не ты, – поцеловал он цыганку, – Кто знает, как повернулось бы!

– Да мы, значит, завсегда... Споспешествовать готовы... Премного благодарны, барин... – бессвязно бормотала Надя, потрясенная размером награды.

На эти деньги, смекнула она, можно было купить и лошадь, и кибитку. Ну, конечно, подержанную.

В общем, кризис миновал и поручик пошел на поправку.

Дуняша и Арина были заняты глажкой. Для Арины это было обычное, повседневное дело. Дуняша же гладила бельё специально для поручика. Сегодня она, воспользовавшись тем, что горячка ушла, решила искупать его и сменить простыни и рубашку. Вечером доктор приедет, надо, чтоб всё опрятно было!

Девушки помахивали тяжеленными утюгами, наполненными пышущими жаром углями, дабы те разгорелись. Затем, послунив палец, трогали донце, и удовлетворенные, водили сими устройствами по полотну, периодически сбрызгивая бельё водой изо рта.

Арина искоса поглядывала на Дуняшу, пытаясь определить, не она ли ходит по ночам к месье Карсаку. Загадка эта не давала ей покою уже более двух недель. Нет, наверняка не она. Не беспутная, гулящая-шалопутная. Кроме графского братца никого у неё не было. Ни до, ни после. А что с Сергеем Романовичем живет – так кто осудит? Такая же дворовая, как и Арина. Женихов нету, а натура требует... И годы свое берут: ей уже двадцать первый пошел. Ещё немного – и вообще никому не нужна будет, даже для утехи плотской, перестарок-то!

– Ладно, я пошла, – весело пропела Дуняша, закончив гладить рубашку и вытирая слегка вспотевшее покрасневшее лицо.

Сложив бельё аккуратной стопкой, вышла, только косой взмахнула. Арина рассеянно проводила её взглядом:

«Добрая у Дуни коса, почти, как моя, только покороче!»

Дуняша между тем вошла в спальню поручика.

– Сейчас купать Вас буду, Сергей Романыч! – значительным голосом сообщила она ему, – Вода уж согрелась!

– Давай, купай! – отозвался тот, впрочем, без особого энтузиазма: был ещё довольно слаб, – А то смердит от меня, аки от могилы разрытой!

Слегка содрогнувшись от такого сравнения, Дуняша сходила на кухню и принесла ушат горячей воды и мыло. Больной лежал на набитом сеном тюфяке, что облегчало задачу: после купания другой подложить – и всё.

Мягкой губкой девушка начала намыливать шею и плечи, озабоченно заметив про себя, как похудел за время болезни поручик. Постепенно намылила все тело, осторожно поворачивая с боку на бок. Поручик довольно кряхтел. Прополоскав губку, смыла мыло, набросила чистую простыню, чтобы вытереть, и ловко заменила тюфяк. Направив бритву, аккуратно побрила барина, расчесала волосы и усы. Полюбовалась делом своих рук, и, не удержавшись, легонько поцеловала в угол рта.

– Уж такие Вы нынче пригожие да симпатичные, Сергей Романыч! – жарко шепнула она на ухо гусару.

– Дуня! Хочешь, фокус покажу? – также, шепотом, спросил он.

– Какой фокус, барин? – удивилась Дуняша.

– А такой! Алле... Оп! – поручик Ржевский сдернул с себя простыню.

– Ой! Матушка, Царица Небесная! С нами крестная сила! Поправился, голубчик! – восхищенно воскликнула девушка, увидев... ну, вы догадались, что.

– Ага, живой, и по стойке «Смирно»! – удовлетворенно улыбнулся шалун, – Я так думаю, нельзя, чтоб такое явление природы втуне пропало! Иди ко мне!

– Да, как же... Белым днем-то... Для этих дел, небось, ночь есть, – покраснела Дуняша.

– Ну да, днем! До ночи-то он увянет, небось!

– Да как же я лягу... Вы же только на спине лежать можете!

– Нет, милая, сегодня ты сверху будешь! Взбирайся на меня, аки всадник на коня! О! Вирши получились! Надо будет записать...

– Грех, так-то... Неправильно... – продолжала колебаться девушка.

– Э, слушай, и так грех, и эдак тоже! Бог простит!

Аргумент перевесил. Действительно, все равно в грехах, аки Полкан в блохах! На исповеди придется рассказать стыдное... Отбросив сомнения, с мыслью: «Лишь бы милому было приятно!», и убедившись, что дверь закрыта плотно, Дуняша неохотно вскарабкалась на высокую кровать, и, подняв подол до талии, осторожно приняла в себя каркалыгу поручика на всю немалую длину. Зажмурилась. Ей было неловко: и светло, и стеснительно, и поза незнакомая... Поручик ухватил её за стройные бедра и задышал, раздувая ноздри. Дуня энергично задвигала тазом. Скорей бы, не до плезиров... Ой! О-о-о! Как пробирает! Ой, Сергей Рома-аныч! Ой, миленьки-ий! ... Серёжень-ка-а-а-а!

Они лежали рядом: Дуня – лицом в подушку, а Серж навзничь. Он рассеянно курил пахитоску, пуская ароматный дым в потолок и стряхивая пепел в цветочный горшок. От табаку приятно кружилась голова: первый раз закурил за четыре дня!

Дуняша подняла голову. Глаза её были заплаканы.

– Ну, и что ты плачешь, дурёха? – ласково спросил поручик, вытирая пальцем слезинку.

– Радуюсь, Сергей Романыч, что поправились Вы, за-ради Господа Бога. И на эту войну проклятую теперь не поедете.

– Ну, не на эту, так на другую. Расея – страна воинственная! А я – военный! – усмехнулся гусар.

– Так, другая-то война, поди, не скоро будет...

– Скоро, не скоро... Какая разница?

– А такая! Тяжелая я... Хотелось, чтоб Вы дитё своё увидели!

– Когда ждёшь? – взволнованно приподнялся на локте поручик.

– Повитуха говорит, не раньше Преображения Господня и не позже Успенья Пресвятыя Богородицы (соответственно, 19 и 28 августа. Дуня, как и большинство простых людей той эпохи, считала не по датам, а по праздникам! Прим. Автора).

Сергей Романович задумался. Дуню он любил. Любил, насколько может любить аристократ крепостную девицу. Она была идеальная подруга: нежная, страстная, любящая, заботливая. Кроме того, смышленная и грамотная, даже французский знала немного. Жениться на ней – это, конечно, эпатаж. Но жить – пуркуа бы и не па бы? Дело было ещё и в том, что поручик побаивался женитьбы на девушке своего круга: капризничать ещё начнет, сцены устраивать, деньги транжирить! А с Дуней он приятно сочетал бы семейную жизнь с официальным холостяцким статусом!

Решительно затушил в многострадальном цветке окурок:

– Вот тебе мое слово, Евдокия. Возьму тебя к себе от братца, будешь ключницей. Ребенку свою фамилию дам и отчество, из крепости выпишу. Воспитаю, в общем. Образование, то, да сё... Жениться-то мне, как положено, не судьба, видно... А так у меня наследник будет! Или, г-м, наследница.

Дуняша бросилась целовать ему руки.

– Оставь, оставь! – оттолкнул её Ржевский, – Поди прочь, дай с мыслями собраться! Я – и вдруг папаша... Надо же! Да, принеси водки шкалик, отпраздновать!

– Нельзя, барин, родненький! Доктор учует, а Александр Романыч шкуру с меня спустят! Потерпите, пожалуйста, хоть до завтра!

Поручик Ржевский с досады швырнул в Дуняшу чашкой. Увернувшись, та убежала.

Арина как раз закончила с гладкой и присела к самовару, когда растрепанная Дуняша ввалилась горницу.

– Что?! Сергей Романыч?! – вскинулась Арина.

Дуня села к ней на лавку, обняла.

– Все с ними хорошо, подруженька. Поправляются! Сила вернулась.

– Ох, слава Богу! – перекрестилась Арина, – А я уж подумала, на тебя глядя...

– Они мне обещали моё дитё своим признать, – счастливо улыбнулась Дуня, – И меня к себе возьмут, ключницей сделают!

Значение данного заявления было трудно переоценить. Быть ключницей, сиречь, экономкой при барине, да ещё матерью его официально признанного ребенка – это почти законный брак! Такое случалось не часто. Бывало, конечно, что и женились на крепостных, но, как выражаются математики-физики, число таких событий было исчезающе мало.

Арина испытала чувство, похожее на зависть: судьба Дуняши была устроена, а её – скрыта в потемках! Нет, надо решаться! Надо объясниться с Антошей! Объясниться, и будь на то его воля, отдать любимому самое дорогое. Уж, право слово, лучше без венца жить с любимым человеком, чем в одиночку по жизни катиться! Грех, конечно, да и стыдно, только стыд – не дым, глаза не выест, а грех отмолится. Она любую епитимью выдержит ради своего счастья!

К чаю приехал доктор. Похмыкивая, осмотрел больного, отметив про себя значительное улучшение. Размотал повязку, чтобы оценить состояние раны. При виде хлебной массы глаза его полезли на лоб.

– Вас ист дас? Что это за шайзе... дерьмо? Я не делал сие распоряжение! – завопил он.

– Это народная медицина, Теодор Оттович, – пояснил Александр Романович, – Плесневелый хлеб разжеванный!

– Да-а? Бред! Суеверие! ... Г-м, поразительно! Гноя почти нет, горячки тоже нет! ... Но, это же нонсенс! Как плесень, слюни и хлеб могут на воспаление влияние иметь?

– Сие неведомо. Но верю, что ученые разберутся со временем. Полагаю, в плесени все дело. Вытяжку из неё сделают, или какой ещё кисель сварят... Лекарство, в общем! – произнес вещие слова полковник, предсказывая открытие антибиотиков.

– Плесень, пфуй! – сплюнул доктор, скривившись, и даже не задумавшись о феномене всерьез, – Я все-таки полагаю, что это... как правильно... богатырская натура господина гусара справилась с воспалением!.

Изобретение пенициллина в XIX веке, увы, не состоялось.

– Теодор Оттович, а можно мне водочки, веселия мыслей и укрепления сил для? – ненавязчиво поинтересовался поручик Ржевский.

– Нет, господин гусар, водки Вам пока нельзя. Пейте *Vinum gallicum rubrum*... *Quantum satis*! (Красное французское вино в количестве достаточном! Латынь. Перевод Автора). Оно отлично чистит кровь и силы прибавляет. Диэту Вам я распишу... Счастливой поправки! Дней через пять приеду, посмотрю Вас.

– Спасибо, доктор! А за винишко – спасибо огромного размера! Эй, человек! Вина красного, французского, бордо! Ведро... для начала! – завопил поручик.

– О, найн! – улыбаясь, погрозил пальцем Шнейдер, – Нет ведро-бордо! Вам можно вот столько!

Он развел большой и указательный пальцы на два вершка.

– Годится! – быстро согласился Серж, – Ежели в тазик на два вершка налить... в самый раз будет!

– Александр Романович хохотали до посинения, дохтур икали, даже пенснэ уронили! – рассказывала позже барыне Дуняша, – А я, грешным делом, едва не обмочилась! Уж такие они шалуны, такие проказники, Сергей Романыч, то-есть!

Графиня тоже посмеялась. Она любила шутки Сержа.

Через два дня поручик окреп настолько, что пожелал принять участие в обеде. Ходить он ещё не мог, к столу его вынесли на руках. Антуан сердечно пожал ему руку:

– Рад видеть Вас в добром здравии! – произнес он по русски.

– Спасибо! Вы не поверите, месье Карсак, как это тоскливо, лежать целый день без малейших развлечений! Ну, книгу мне братец почитал, ну пятки Дуня почесала. Все равно, тоска! Хотелось впасть в спячку, как медведи делают, для экономии времени. Только и сны снились какие-то непонятные! Вообразите, господа: вижу во сне преогромное здание – этажей, эдак, в шесть, а по крыше – огненными буквами пылает слово: «КОММУНИЗМ»! Причем, заметьте, без литеры «Ерь» в конце! К чему бы такое?

Все сошлись на мнении, что сие был бред, вызванный миазмами воспаления и сон ничего не означает. Граф, впрочем, заинтересовался и послал за словарем. Найдя нужную статью, прочитал вслух:

– Коммунизм есть форма социального общежития, отвергающая всякую частную собственность, брак и семью. Наблюдается у примитивных племен Африки, охотящихся сообща и делящих добычу поровну. Так же, сообща, воспитывают всех детей племени... Гы! Однако!

Эта информация никого особо не впечатлила. Обед пошел своим чередом. Подали осетрину под соусом Морнэ (день был постный, пятница). Наталья Сергеевна при запахе рыбы вдруг почувствовала тошноту. Это было странно: рыбу она любила, осетрину – тем более. Но сейчас ей вдруг сделалось дурно, причем дурнота эта была реакцией именно на рыбный запах! Она резко встала, но не успела отойти от стола и на три шага. Спазмы в желудке согнули её пополам и все съеденные закуски и суп фонтаном устремились на пол.

Поднялся переполох. Александр Романович на руках отнес жену в спальню, послали за доктором Шнейдером Герасима на лучшей тройке. Тот, свистя Соловьем-Разбойником, и нещадно лупцуя коней кнутом, обернулся в Боровск и обратно за час. Но, ещё до приезда доктора, цыганка Надя шепнула Фекле:

– В тягостях наша барыня-то!

Так оно и оказалось. Теодор Оттович, выйдя от графини, сказал встревоженному Александру Романовичу:

– Поздравляю Вас, граф! Вы будете отец! Ваша жена ждёт дитя уже восемь недель!

Гвардеец-полковник стиснул его в объятиях.

– Дорогой Вы мой! Ур-ра-а! Никифор, шампанского! Господа, у меня будет наследник! Доктор! Прошу к столу!

Все забегали, засуетились. Меняли приборы, тащили закуски.

Доктор Шнейдер, непривычный к шампанскому, быстро сделался пьяный: хихикал, лез целоваться, порывался рассказывать какие-то истории из медицинской практики, сбиваясь на немецкий и обрывая рассказ на середине.

Поручик Ржевский под шумок выпил параллельно с шампанским водочки, засверкал глазами и распрямил спину.

– Вот, послушайте, господа! Один тамбовский помещик не имел потомства. Но наследника страсть, как хотелось! И вот, однажды, наш полк разместился на квартирах в той местности. А к помещику пришел юродивый. Поговорили они, юродивый вник в ситуацию, и заявляет: «Помолюсь о вас с барыней, пойду в Москву и в Храме Василия Блаженного самую большую свечу затеплю!». Ну, помещик его, конечно, накормил, напоил, денег дал. Через три года юродивый возвращается, смотрит: у барыни дитя на руках, двое близнецов за юбку держатся, и ещё один в утробе, значит. А помещик садится в тарантас.

Юродивый возрадовался: «Молитва-то подействовала! Вона, многочислием Господь благословил, недаром свеча, стало быть, в соборе горит!».

А помещик: «Вот я в Москву и еду, свечу задуть!»

Все смеялись до упаду. Затем граф спросил:

– Но, причем тут ваш полк, Серж?

Тот изумленно округлил глаза:

– Полк? Не, полк тут ни при чем! Полагаю, что ни при чем!

Веселье ширилось и переросло в народное гуляние! Александр Романович разошелся всю: выкатил бочку водки для деревенских, стрелял из пушки. К вечеру перепились все! Про Наталью Сергеевну забыли. Она лежала в спальне, боролась с приступами тошноты и смятенно размышляла: кто отец будущего ребенка? Алекс или... Антуан?

Глава одиннадцатая

Секретная экспедиция прапорщика Вишневого добралась до Малоярославца через три недели после Крещения: задержались в Первопрестольной, где было немало пленных. Военный комендант предоставил все требуемое для работы. За неделю перелопатили около трех тысяч личных дел, спасибо Маркину, виртуозно отсеивавшему не относящиеся к делу: неподходящее место пленения, слишком ранняя или слишком поздняя дата. Допросили три сотни французов – почти всех, размещенных в Москве. Но, увы! О судьбе пропавшего обоза те ничего не знали. Параллельно опросили около тысячи русских солдат и офицеров, в основном раненных – с тем же неуспехом. Работу начинали в шесть утра и заканчивали в девять вечера. Спали в казармах артиллерийского полка, уцелевших от пожара. За это время съели все деликатесы, прихваченные в дорогу. Подвоз продовольствия в древнюю столицу был плох, приходилось питаться из солдатского котла. Горохом да чечевицею. Василий Шеин, непривычный к грубой пище, страдал расстройством желудка и стеснялся неприличных бурчаний в кишечнике.

– Василий Кириллыч, Вы редьку, чеснок да лук почему не кушаете? – спросил на пятый день суровой армейской диеты Вишневский.

– Помилуй Бог, Петр Иванович, к бурчанию в чреве ещё и амбрэ изо рта добавлять! – удрученно ответил молодой человек.

– Г-м, если зубы чистить солью, содой и мелом, то не пахнет, уверяю Вас. А редька, чеснок и лук сопротивляемость простуде повышают, также и от фурункулов и прочих гнойников споспешествуют избавлению. В походе – обычное дело, особенно зимой: тело потеет, баня – от случая к случаю...

Василий внял совету ветерана, но, тем не менее, сделал вылазку на базар, где за собственные деньги прикупил на всю команду кислой капусты, соленых огурцов и лещей, сала и копченых уток. Больше ничего съедобного на базаре не было. Увидев это, Маркин одобрительно шепнул Вишневскому:

– Правильные у нашего боярина кишки в голове! Заботится о солдатиках, понимает, что наш бюджет таких трат не выдержит.

– Да, добрый офицер будет! – согласился тот, – И работает отменно, старательно, хотя и устаёт с непривычки: вон, какие подглазья темные.

– Втянется! – обнадежил фельдфебель.

В Малоярославце было уже полегче. Пленных там было немного, поэтому основной упор был сделан на опрос населения. За неделю на след обоза так и не напали.

– Что же это, Петр Иванович? Бьемся, бьемся, хоть бы намек какой обнаружили за столько-то дней! – посетовал нетерпеливый по молодости Шеин.

– Э, Василий Кириллыч, мы пока только ноготком поскребли! Знаете, как в Сибири золото моют? Пуды песка в сковородке промывают, чтобы долю золотника добыть!

– Да я понимаю... Хочется ведь скорее! – вздохнул юноша.

– Это дело с наскоку не сделаешь! – сожалеюще развел руками Маркин, – Знаете, сказка такая есть, вроде притчи: царице Савской царь Соломон в подарок жемчужину подарил красоты необычайной. Она и говорит: ах, если б ещё одну, серьги замечательные вышли бы! Позвал царь ловцов: добудьте мне вторую такую жемчужину, за ценой не постою! А ловцы ему: будь в надежде, царь! Ту, первую, чтобы найти, мы пятьдесят лет ныряли, почитай, мильён раковин вскрыли. Вторую, может, и раньше найдем, опыт уже есть!

Шеин призадумался.

– Придется навестить окрестных помещиков, – заявил Вишневский, – Кто у нас в списке поближе, Федор Антипыч?

Поправив старенькие очки, Маркин выудил из портфеля список, прищурившись, прочитал:

- Село Спас-Загорье, имение князя Обнинского...
- Иллариона Ипполитовича? – оживился Шеин.
- Знакомые Ваши? – поинтересовался начальник экспедиции.
- Ну, как же! Мы в Петербурге на одной улице живем! Они с покойным папенькой дружили! Здесь-то я у них не был... Театр в имении есть, во! Кстати, по нашему маршруту подходяще!
- Что, театр? – ухмыльнулся Вишневский.
- Нет, село! Всего десяток верст от дороги.
- Что ж, поехали!

На следующий день, проведя в пути часа два, экспедиция свернула на дорогу, ведущую в имение князя. Вскоре показался шлагбаум и будка, в которой сидел мужик с ружьем, одетый в тулуп и волчью шапку. Рядом лежали несколько борзых и здоровенный волкодав-меделян.

- Стой! Кто такие? – раздался окрик, впрочем, довольно мирный.
- Прапорщик Вишневский с воинскою командою по государеву делу! – последовал четкий ответ.

Поезд остановился. Вишневский и Шеин вышли из возка.

Караульный отдал честь по военному и потянул веревку, поднимая шлагбаум.

- Проезжайте, Ваше Благородие! Всё прямо, мимо не промахнетесь. Восемь верст.
- Сразу видать старого служаку! – рассмеялся Вишневский, притопывая валенками, – Отставник? Где служил?

– Так точно, в отставке, Ваше Благородие! Закончил службу в Днестровском пехотном полку, под началом генерала Багратиона!

– Молодец, исправно службу несешь! Не спишь на посту! Федор Антипыч, поощрите-ка сего служивого добрым шкаликом водки! – распорядился прапорщик.

Шкалик был принят с благодарностью. Поезд поехал дальше. Его обогнала одна из борзых. Стелясь над укатанной дорогой, она вихрем промчалась в сторону поместья.

Через час с небольшим, ибо ехали не спеша, показалась усаженная липами широкая аллея, ведущая к усадьбе. Здесь была развилка, другая дорога вела в село. К большому удивлению наших путешественников, их уже ждали верховые в одинаковых венгерках и папах – личная стража князя. И не просто ждали, а торжественно встречали хлебом-солью на подносе, покрытом вышитым полотенцем.

– Однако! – удивился Шеин, вертя головой, – Как только спознали-то?

Вишневский с Маркиным только хмыкнули и пожали плечами. Сопровождаемые сим почетным эскортом, доехали до усадьбы. На крыльце их встречал сам князь с княгиней, чадами и домочадцами.

– Добро пожаловать в наши пределы, господа! – несколько на театральный манер провозгласил Обнинский.

Вишневский коротко отрекомендовался, представил спутников.

– Васенька! Ты ли? – воскликнула княгиня, – Как вырос! Всего-то две зимы не видались, а тебя уж и не узнать!

Она трижды облобызала заалевшие ланиты юного прапорщика. Княжны, забыв о приличиях, смотрели на него в упор с прищуром. Жених, однако!

– Господа, господа! Прошу в дом! – делал приглашающие жесты князь, – Прощка! Покажи фельдфебелю, где с командой разместиться! Водки распорядись, да закусить поосновательней, устали, чай, солдатики!

Так гостеприимный хозяин деликатно исключил Маркина из светского общества. Тот не обиделся, но принял это, как должное. Вишневский, хоть и из крепостных – другое дело,

офицер и дворянин, ему с господами за стол садиться подобает. А он – вольный горожанин-мещанин, у него своя компания.

– Ни о чем спрашивать-выпытывать не буду! – шумел Илларион Ипполитович, – Сначала добрых молодцев в бане попарим, накурим, напоим! И без чинов!

– Баня, по нашему солдатскому разумению – первейшее дело в походе! – улыбнулся Петр Иванович, обрывая сосульки с усов.

– А то я сам не служил! – всплеснул руками князь – гвардии секунд-майор в отставке по ранению.

Рубанул храброго лейб-кирасира янычар ятаганом по голове, мало поперёк не перерубил – от лба до затылка! Кусок теменной кости был утрачен. Заштопал хирург, и серебряную пластину поставил, но часть мозгов в черепушку обратно не вместились из-за отека, пришлось оттаять и выкинуть. Выжил с трудом, но вынужден был выйти в отставку: разучился ездить верхом напрочь! И кое-какие другие проблемы возникли, несовместимые со статусом службы: перестал отличать левую сторону от правой, и цвета стал путать – синий с красным. А пуще всего мешала по жизни сонливость: на заходе солнца засыпал князь непробудно, даже стоя. На полчаса. Потом просыпался. Какая уж тут служба!

Василий промолчал. Он, хотя и предстал перед семейством Обнинских в шинели и сапогах, а не в валенках и тулупе, болезненно ощущал свою более, чем недельную немытость. А вдруг барышни учуяли? Да ещё сдуру редьки с квасом поутру наелся...

Баня была хороша! Два дюжих дворовых, искусных, как выразился Илларион Ипполитович, в банном и теломытном деле, виртуозно вели мелодию парилки, поддавая то квасом, то травами, а под конец – даже ванилью, декаденты эдакие! Гостей и примкнувшего к ним хозяина похлопывали-пошлепывали то дубовыми, то березовыми, то можжевеловыми вениками, разминали каждую мышцу. Наконец, отмытые до скрипа, розовые приятным оттенком утренней зари, они вышли в гостиную. Из столовой доносилась возня накрывающих стол слуг и умопомрачительные ароматы.

Маркин с командой тоже попарился – в другой, для дворовых людей, бане – тоже очень хорошей.

– Как Вы узнали о нашем прибытии, Илларион Ипполитович? Прямо, мистика какая-то! – полюбопытствовал Шеин, которому этот вопрос не давал покоя.

– А! – отмахнулся тот, – Пустяки! Караульный собаку прислал, со специальным значком на ошейнике. Псарь увидал – и мне доложил, что едут военные люди, по делу. Значит – гости!

– Остроумно! – похвалил Вишневский, – Оперативная связь! Эдакая собачья почта!

– Люблю собачек! – улыбнулся помещик, – Их чему только не научишь! Донесения доставлять – это ещё не самое сложное. Я меморандум графу Аракчееву посылал об использовании собак в армии. Раненых с поля боя выносить, ну, донесения доставлять, мины скрытно устанавливать и находить вражеские... Да мало ли! Шпионов вынюхивать!

– Ну, уж и шпионов! – усомнился Шеин.

– А вот, представьте себе! Шпион или предатель разоблачения боится, а потому потеет и пахнет по особому! И собачки это чувствуют! – несколько запальчиво заявил князь, готовый ринуться в спор.

Оба прапорщика, впрочем, тут же с ним согласились.

– Матреша! Сбегай к барышням в гардеробную, поторопи их, копуш! – донесся из столовой голос княгини.

В гардеробной имела место ссора.

– Лилька! Ты почто мою коробочку с мушками заграбастала без спросу? – возмущалась средняя княжна, Зинаида.

– Отскожь, постылая! – небрежно отвечала старшая сестра, уже выстроившая на лице из мушек комбинацию «я вся твоя, целуй меня, где хочешь!» и в данный момент наклеивавшая брови из мышиных шкурок. (Да-да! Такая была мода!).

Когда тебе скоро стукнет двадцать, нельзя ждать милостей от природы, женихи – не дождь, с неба не падают. Надобно самой инициативу проявить.

– Ну, погодь, сеструха! Обещалась я тебе помаду варшавскую дать, теперя – накося, выкуси! – обидчиво поджала губы Зина.

Младшая, Соня, участия в разговоре не принимала: её в данный момент затягивали в корсет и надобно было, выдохнув, задерживать дыхание.

Барышням было соответственно девятнадцать (с половиною!), восемнадцать, и шестнадцать (с половиною!). Были они симпатичные, румяные и не субтильные. Далеко не! Русский язык они слышали только в имении, отсюда и простонародность лексикона. Впрочем, пользовались они русским, только когда ссорились. Во французском было недостаточно, г-м, крепких выражений и эпитетов.

«Конечно, Васятка молодой ещё, едва восемнадцать минуло, но работать, лепить из него жениха надо уже сейчас! Свадьба, не свадьба, а сговор – очень может быть! Обручение, да!» – так думали три сестры, приуготовляясь выйти к обеду. У каждой был свой тайный план уловления в брачные сети Васи Шеина, который, бедняга, ни о чем не подозревал.

Когда, с опозданием на пятнадцать минут, три княжны вошли в столовую и заняли места за столом, все четыре сердца сладко сжались при виде Васи, так он был красив. Почему четыре, а не три? Синьор ди Варрен, дворянин из Тосканы, с недавнего времени служащий у князя консультантом по оперному делу, и, по совместительству, учителем танцев, смотрел на румяного после бани, пригожего юного прапорщика, как ребенок на леденец. При каждом взмахе Васиных длинных ресниц итальянцу казалось, что новая сердечная рана начинает кровоточить внутри его груди. Он весь был переполнен чувством влюбленности до такой степени, что его распирало и мог получиться неприличный звук. Чего бы синьор ди Варрен не дал, чтобы... ну, вы понимаете!

Вишневский перехватил огненный взор учителя танцев, устремленный на Шеина, все сразу понял и украдкой показал педерасту кулак. Кулак бывшего кузнеца был величиной с маленькую дыньку, костистый и шишковатый. Итальянец намек уразумел, заморгал и сблестнул с лица.

Вася оказался в окружении барышень: справа – Лили, слева – Зизи, напротив – Софи. Отвыкший от такого изобилия прекрасного пола, он чувствовал себя несколько стесненно.

«Если б я был султан, то имел трёх жен!» – вдруг подумал он и фыркнул от сдерживаемого смеха.

За столом говорили о светском, то-есть – о пустяках. Петр Иванович предупредил хозяйина, что делах они поговорят позже. Вася расслабился, выпил вина, и, в меру своего остроумия поддерживая разговор с барышнями, принялся за еду. Вдруг челюсти его замерли: игристая ножка под столом наступила ему на ступню, затем поднялась выше, поласкала коленку. Туфельки на ножке не было! Подняв глаза, встретил многозначительный взгляд блондинки Софи, как ни в чем ни бывало кушающей салат. Показал ей движением брови, что оценил внимание. Софи расплелась в улыбке.

Через несколько минут почувствовал на коленке тонкие пальчики шатенки Зизи. Они быстро поднялись выше, настойчиво глядя внутреннюю поверхность бедра. Стало приятно, хотя и немного неловко. Незаметно опустив под стол руку, пожал пальчики, выражая признательность за ласку. Зизи в ответ прижалась горячим бедром.

И тут последовала свирепая атака с правого фланга! Рыженькая Лили, не отрываясь от холодца, взялась прямо за причинное место молодца! То-есть, ловко расстегнула пуговицы и конкретно ухватила в руку самое дорогое, вытягивая из штанов! Вася замер, едва не пода-

вившись. Мгновенно напрягся. Ну, не весь, конечно. Частично, г-м! Довольно улыбнувшись, Лили стала нежно гладить предмет вожделения, слегка сжимая его пальчиками. Ничего подобного юноша ранее не испытывал, ибо... как бы это сказать... ну, в общем, был девственником. Он покраснел, побледнел... Прекратить, скорее! Но одновременно хотелось, чтобы эта ласка продолжалась.

– Что с Вами, Василий Кириллыч? – любезно, но несколько встревоженно спросил князь, обратив внимание на Васиные закатывающиеся глаза, – Вам нехорошо?

– Я.. ой! ... ко... колики у меня... в животе... вдруг... ой! уже прошло-о, – пролепетал тот, еле выговаривая слова.

Лили под столом продолжала сладкую пытку, как ни в чем ни бывало. Шеин чувствовал, что ещё немного и...

– Человек! Воды! – сдавленно квакнул он.

К нему поспешил лакей. Пока он наливал воду, Лили усилила натиск и темп.

Вася почувствовал – ВСЁ! Финал-апофеоз... Та-та-та-тамм!

Гулко глотая воду, он думал: «Слава Богу, никто ничего не заметил! Но что делать с испачканными штанами?»

У Лили все было продумано. Как раз подали отварного судака.

– Вам соус провансаль или польский, Базиль? – осведомилась она совершенно невинным голосом.

– Польский, силь ву пле... – прохрипел Шеин всё ещё сведенным судорогой горлом.

– Позвольте за Вами поухаживать! – барышня взяла соусник и... выронила его кавалеру на колени!

– Ох! – разнеслось над столом.

– Лилька! – грозно рявкнул Илларион Ипполитович, встопорщив усы, – Руки-крюки! Высеку!

– Но я же нечаянно, – надула губы проказница.

– Ага, за «нечаянно» бьют отчаянно!

Василий, схватив салфетку, прикрыл ею пах и вскочил.

– Извините, господа! Я сейчас!

Вместе с ним с возгласом: «я провожу!» из столовой выскользнула Лили. Нельзя не признать, что её лихая тактика и стратегия оставили соперниц-сестер далеко позади. Но требовалось закрепить успех! В коридоре она прижалась к юноше всем телом и крепко поцеловала в губы.

– Какой Вы... страстный и милый, Базиль! – жарко шепнула она.

Глаза её улыбались и обещали, что продолжение следует!

После обеда, закончить который Вася не рискнул вернуться, мужчины собрались в кабинете князя. Им подали кофий и ликеры.

– Закуривайте, господа офицеры! – предложил хозяин, специальной гильотинкой отрезая кончик у толстенькой сигары. – Там – сигары, там – пахитосы! – показал он рукой, избегая говорить «право» и «лево».

Шеин взял пахитосу и прикурил от канделябра.

– Я, с Вашего позволения, вот! – достал обкуренную, ещё с Альпийской кампании трубку Вишневский.

Князь уже знал, что прапорщик выслужился из рядовых, и простецкая трубка была ещё одним подтверждением неаристократичности. Но Вишневский ему нравился, его мужество вызывало уважение, и Илларион Ипполитович держался с прапорщиком как с равным.

Все выпустили к потолку дым: хозяин – густой, синеватый, облачком; Вишневский – серый, струей; Василий – голубоватый, колечками. Илларион Ипполитович пошутил:

– На Кавказе говорят, что над головой настоящего джигита всегда должен клубиться дым: если не пороховой, так табачный!

– О, Кавказ! Государям российским ещё предстоит его воевать! – отозвался энтузиастически Василий.

– Вы думаете? – подался вперед Обнинский, с интересом выгибая бровь.

– Ну, как же! Ворота в Персию, Закавказье. Стратегическое место: Турции оттуда будет немалая угроза. А Грузия и Армения христианские страны, союз с ними будет бесценен! – важно поведал Шеин слышанное в Петербурге. В кулуарах, так сказать.

– Непростое это будет дело! – вздохнул Вишневский, – Горцы народ упрямый, я-то с ними встречался в турецкую кампанию. Черкесы, чечены... Каждый – воин. Их или всех вырезать придется, или... – он развел руками, не зная, как закончить.

Отпили кофию, который Петр Иванович не любил, но, тем не менее, пил, чтобы не идти в разрез с туземным обычаем.

– Мы выполняем специальное задание его сиятельства графа Аракчеева, – начал Вишневский, – Ищем пропавший французский обоз. Граф полагает, что там могут находиться... некоторые вещи, представляющие интерес для военного министерства. Прочесываем местность, опрашиваем пленных, население, партизан. Надеемся на ваше сотрудничество, Илларион Ипполитович. Может быть, Ваши люди видели что-то, или слышали?

– Опросим всех! – твердо заявил Обнинский, – Предоставлю вам флигель, работайте. Ежели в чем нужда возникнет – только скажите, все будет моментально. Солдатики же пусть отдыхают, я уже позаботился. И кормы им будут от меня, и водочка – не возражайте! Сколько времени для дела понадобится, столько и живите – государева служба!

Допивши кофий, приступили к работе. Опросили всех стражников, партизанивших во время отступления Великой Армии, и множество дворовых. Большинство показывало, что в то время обоз ещё был. Закончили поздно вечером, выловив только один намек: один из крестьян утверждал, что обоз, почему-то, сопровождали драгуны. Это было необычно: с чего бы боевому подразделению плестись с обозом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.